Крис Манби
ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ЛИЗЫ

Крис Манби

Тайная жизнь Лизы

Серия «Лиза Джордан», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9130586
Тайная жизнь Лизы : [роман] / Крис Манби ; [пер. с англ. М. Хазина]: Амфора; Санкт-Петербург; 2014
ISBN 978-5-367-02972-7

Аннотация

Ложь порождает ложь. Нарастая как снежный ком, она в конце концов подминает под себя главную героиню книги, Лизу Джордан, построившую свою жизнь на лжи. Не в состоянии иначе справиться со своими трудностями, она надеется, что в один прекрасный день появится кто-то и решит за нее все проблемы. Дождется ли она своего принца на белом коне?..

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 11
Глава третья 19
Глава четвертая 22
Глава пятая 28
Глава шестая 31
Глава седьмая 36
Глава восьмая 46
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Крис Манби
Тайная жизнь Лизы

Chris manby
Lizzie Jordan’s Secret Life

Издательство выражает благодарность литературному агентству Synopsis за содействие в приобретении прав

© Chris Manby, 2000
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014

* * *

Глава первая

Брайан.

Наверно, не очень подходящее имя для романтического героя. Но так уж у меня вышло.

Брайан Корен.

Статный. Черноволосый. Симпатичный. Впрочем, Брэд Питт может не беспокоиться. Но каким-то образом моим сердцем завладел именно Брайан Корен.

Я познакомилась с ним на втором курсе университета. Я училась в Оксфорде, изучала английскую литературу. Я не совсем поняла, как умудрилась попасть туда с первой попытки, но, видимо, мой колледж – Сент-Джудит – не выбрал квоту зачисления малоимущих студентов. Весь первый семестр я была занята по горло. Учеба, традиции и прочая мура.

Тем временем Брайан Корен изучал экономику в одном небольшом, но очень престижном колледже в уютном уголке штата Нью-Йорк. На последнем курсе его направили по обмену в Великобританию, чтобы попутно расширить его познания в работе Лондонской торговой биржи. По крайней мере, его мать надеялась, что год, проведенный в Оксфорде, даст ему некое «*je ne sais pas*[1] что», которое по возвращении резко выделит его из среды не так часто выезжающих однокурсников.

Момент, когда я впервые увидела его, мне до сих пор помнится так отчетливо, как будто это случилось час назад. Это произошло в начале осеннего семестра – погода стояла достаточно теплая и солнечная, и можно было быстро перекурить между парами на открытой террасе факультета экспериментальной психологии. Я сидела на ступеньках вместе со своими тогдашними лучшими друзьями: ВелоБиллом, не расставававшимся со своим велосипедом, и Бедной Мэри – готического вида студентке психфака, которая, если кто еще не догадался, всегда выглядела несчастной.

Мы сравнивали, кто скучнее провел летние каникулы. Я проторчала все время на фабрике по шлифованию линз, напоминавшей первые круги ада. Билл работал в садовом хозяйстве на юге страны, а Мэри – торговала сыром в магазине деликатесов на западе Лондона. Никто из нас не смог уехать дальше. Впрочем, при желании, наверно, могли бы. Но складывание рюкзака и понос меня как-то не привлекают, поэтому я уверила себя, что путешествия – это развлечение богатых бездельников, я же недостаточно богата, а не просто клуша.

– Жаль, что, создавая американцев, Господь Бог не снабдил их регулятором громкости, – неожиданно заявила Бедная Мэри, кивнув на двух необыкновенно шикарных для студентов парней и девушку. Эта троица вприпрыжку направлялась к корпусу психфака (единственный факультет, где днем можно купить ореховый пирог), и их новые ботинки блестели. *Начищенные ботинки.* Девушка встряхивала блестящими, как на рекламе шампуня, каштановыми волосами, а парни в шутку тузили друг друга кулаками, имитируя драку. Мы не слышали их голосов, но и так было видно, что они приезжие. Они были похожи на ярких тропических попугаев в стае неопохмелившихся пингвинов: именно так выглядели британские студенты в своих одинаковых «альтернативных» черно-серых лохмотьях.

– Черт, это же «Семейка Брэди»[2], – прошипела Мэри, когда американцы вдруг пропели что-то.

– Скорее Осмонды[3], – сказал Билл, поправляя что-то у себя в промежности. Билл учился на геофаке и всегда носил велосипедные шорты со вставными клиньями, для проч-

---

[1] Я не знаю (*фр.*).

[2] *«Семейка Брэди»* – телесериал 1960–70-х гг. о большой семье, не имеющей никаких проблем.

[3] *Осмонды* – семья эстрадных актеров, отличающаяся нравственной чистотой и религиозностью; особенно известны певец Донни Осмонд и его сестра Мария Осмонд.

ности. – Один из них – мой сосед по общаге. Ей-богу, эти американцы даже дышать тихо не умеют, – сказал он шепотом. Правда довольно громким, потому что поравнявшаяся с нами «семейка Брэди» неожиданно затихла и посмотрела на нас.

Мэри, Билл и я смотрели на грязную брусчатку, пока не решили, что они прошли мимо. Я первой подняла голову, и вот тогда наши глаза встретились. Брайан Корен поймал мой взгляд и в первый раз мне улыбнулся.

– Привет! – сказал он.

– Чертовы американцы, – пробормотал Билл, пропуская приветствие мимо ушей.

– Да, – подтвердила Мэри. – Смотрите, какие важные. Валите в свой Диснейленд.

– Мы тоже рады с вами познакомиться, – ответил Брайан.

Можете себе представить, как мне было неловко, когда я опять увидела этих американцев. На самом деле это случилось в тот же день, только несколько позже, когда я сидела на других ступеньках. На этот раз я ждала у столовки колледжа, пока у Мэри и Билла кончатся лекции.

Сама я не особенно утруждала себя посещением лекций, разве что когда влюблялась в преподавателя. Тогда во мне неожиданно вспыхивал интерес к предмету, что было здорово, но лишь до тех пор, пока мне не начинало казаться, что лектор заметил, что я влюблена, и тогда я прогуливала их уже по застенчивости. Порочный круг замыкался, так что в результате я побывала только на половине лекций по английской литературе Средних веков (профессор Ло напоминал мне Индиану Джонса), на трех лекциях о Харди (профессор Силлери был вылитый Руперт Эверетт) и на одном симпозиуме по Сильвии Плат (профессор Тригелл походил на Жерара Депардье. Впрочем, последнее увлечение длилось недолго).

Как бы то ни было, а ужин в колледже начинался ровно в семь, но уже с полседьмого у столовой собиралась очередь. Естественно, не потому, что столовская еда была такой уж замечательной, а просто из-за того, что если попасть внутрь столовой к началу раздачи обычной дряни, то можно было отхватить сливочный кекс или «конвертик», а не подозрительного вида желатиновый пудинг. Кексы были в целлофане, и считалось, что столовский повар не может испоганить их своими кретинскими гастрономическими экспериментами. Хотя пять дней из шести кексы мне доставались абсолютно черствые.

– Думаешь, здесь можно есть? – спросил Брайан. Я сразу же обратила внимание, что он говорит шепотом.

– Что? – пробормотала я.

– Я сказал, – сказал он еще тише, из-за чего ему пришлось наклониться прямо к моему уху, – ты думаешь, здесь можно есть?

– Да, – ответила я как можно убедительней. Он, конечно же, смеялся надо мной, помня замечание Мэри про регулятор громкости, поэтому я заговорила с ним медленно и четко, как с французом.

– Ты должен встать в очередь, – сказала я ему. – У нас в Англии это называется очередь, – добавила я, ухмыльнувшись.

– Вот как? Очередь? Как много еще предстоит узнать, – шепотом ответил Брайан, пристраиваясь на ступеньках рядом со мной, в то время как его жизнерадостные и сияющие друзья изучали доску объявлений и переписывали все то, чем редко утруждали себя британские студенты, вроде расписания консультаций и занятий в секции нетбола.

Игнорируя своего нового компаньона, я попыталась читать книгу, которую впервые открыла после покупки в «Блэквелле» – нашем оксфордском книжном супермаркете, напоминающем пещеру. Я могла сутками сидеть в «Блэквелле» и читать главным образом самоучители, но роман «Вдали от обезумевшей толпы» входил в программу семестра. В отличие

от поэзии и драматургии, романы я не любила. А читать надо было много. Работы было столько, что это сводило на нет все плюсы моей специализации на английской литературе.

– Читаешь Харди? – вежливо спросил вежливый Брайан.

– Да. Читала бы, если бы не отвлекали, – буркнула я, снова приступая к первому предложению предисловия.

– Вообще-то Харди – один из моих любимых писателей, – не унимался Брайан. – Ты «Тэсс» читала?

– Фильм смотрела, – ответила я.

– Неплохая экранизация, как ты думаешь?

Откуда мне было знать. Я ведь не читала книгу после фильма. Я даже не знала, что название книги не просто «Тэсс». Но кивнула.

– Мне нравится там девушка, – сказал Брайан. – Кстати, меня зовут Брайан Корен.

– Бва-айан, – машинально сказала я. Я не могла удержаться от ассоциаций с римским императором в исполнении Майкла Палина: на первом курсе мы пересматривали монти-пайтоновскую «Жизнь Брайана»[4] по два раза в неделю. В комнате отдыха первокурсников было всего две видеокассеты (другим фильмом был «Крепкий орешек»). Я прижала ладонь к губам, сообразив, что я говорю.

Брайан рассмеялся несколько уязвленно.

– Монти Пайтон, да? Этот фильм – проклятье всей моей жизни. *Моей жизни Бва-айана.*

– Извини, – сказала я, сморкаясь в платок. В это время года у меня всегда был насморк. – Это я машинально. Такая местная шутка.

– Понял. А тебя?

– Что меня?

– Тебя как зовут? – не отступался он.

– А! Элизабет Джордан, Лиза, Лиз. – Я сунула платок в карман и машинально протянула руку.

– Рад познакомиться. Элизабет – это в честь английской королевы? – спросил он, довольно крепко пожимая мне руку.

– Нет, – засмеялась я. – Мои родители не похожи на монархистов. Вроде бы меня назвали в честь Лиз Тейлор.

– Кинозвезды? Ого. Кажется, я знаю почему, – кивнул он. – У вас глаза похожи.

– У меня и Лиз Тейлор? – я задохнулась. По-моему, у нее самые красивые глаза в мире. – Ты правда так думаешь? – с жаром спросила я.

– Во всяком случае, и у тебя и у нее по два глаза, – подлил он ложку дегтя, но сделал это с улыбкой. С довольно милой улыбкой, говорившей о том, что он, вероятно, просто пытается освоить английский сарказм.

– У меня еще и зубы свои, – добавила я, чтоб он понял, что я не обиделась.

– Слушай, сюда идут твои друзья, – сказал Брайан, привставая со ступенек. – Я, пожалуй, пойду. По-моему, они меня приняли в штыки, а я не хочу, чтобы у тебя были неприятности из-за общения с врагом.

Действительно, Билл и Мэри направлялись к нам по коридору. На Билле была велосипедная форма «Тур де Франс» (мы подозревали, что она не стиралась с тех пор, как носивший ее английский спортсмен пересек финишную ленту: Билл выиграл ее на лотерее в университетском велоклубе), а Мэри выглядела так, будто ее любимую собачку сожрал голодный крокодил (на самом деле у Мэри это означало вполне сносное настроение). Увидев меня, Мэри повернулась к Биллу и зашептала ему в ухо какую-то явную гадость. Она часто жаловалась, что мы ни с кем не знакомимся, но ее талант ненавидеть любого с первого взгляда

[4] *«Жизнь Брайана»* – фильм в исполнении популярнейшей театральной труппы «Монти Пайтон».

мало тому способствовал. Завидев Мэри во дворе колледжа, даже самые самоуверенные студенты ретировались в здание.

– У твоей подруги умер кто-то из родни? – спросил Брайан. – Она все время выглядит ужасно несчастной.

– Готический тип, – пояснила я. – Имидж такой.

– Серьезно? Моих друзей так одевали, когда они подрабатывали в массовке, на съемках «Интервью с вампиром»[5]. Чтоб выглядели страшнее. Ну, мисс Элизабет Джордан, может, еще увидимся. Пойду-ка я в свой Диснейленд.

– Нет, – запротестовала я. При упоминании о Диснейленде мои щеки вспыхнули. И вдруг мне захотелось, чтобы он не уходил. Мне вдруг захотелось доказать ему, что мы не самые большие жлобы и ксенофобы Великобритании, а то нас станут избегать все студенты-иностранцы. Я не совсем понимала, почему это было тогда так важно, но, возможно, уже чувствовала, что дальнейший разговор с Брайаном может обнаружить что-то интересное.

– Постой и поговори с ними нормально, – взмолилась я. – Наверняка они сами жалеют о том неудачном знакомстве. Честное слово, они больше лают, чем кусаются.

– Надеюсь, он рычит тише, чем храпит, – сказал Брайан, кивнув на Билла. – У него комната рядом с моей. Знаешь, может, ему стоит удалить аденоиды.

– Новый друг? – промурлыкала Мэри, глядя на нас сквозь накладные ресницы, похожие на больших черных гусениц, приклеенных к векам густым слоем клея.

– Билл, Мэри, это Брайан.

– Бва-айан, – машинально отозвались они. На лице Мэри даже появилась улыбка, вернее, некое ее подобие.

– Э-э, мы уже это проходили, – сказала я.

– *Он не мессия, он просто скверный мальчишка!* – произнес Билл тонким голосом, как Терри Джонс, который играл роль уродливой матери Брайана. – Ужасно смешной фильм. – Билл, вспомнив фильм, даже хлопнул себя по обтянутому лайкрой бедру.

– На самом деле, – очень серьезно произнес Брайан, – там, где я родился, фильм «Жизнь Брайана» считается кощунством, и я не вижу в нем ничего смешного.

Два рта раскрылись в изумлении.

– Ого. Ты, часом, не из Юты или откуда-нибудь еще? – спросила ошарашенная Мэри.

– Нет! Я родился в Нью-Джерси. Но сейчас живу в Нью-Йорке. К тому же я еврей, и мне на самом деле наплевать. Мы, во всяком случае, не считаем его мессией.

– Кого, Брайана? – спросил Билл.

– Иисуса, – поправила его я, прежде чем Билл начал объяснять Брайану, что это «всего лишь кино». – Нам пора. – Я кивнула в сторону столовой. Очередь уже сдвинулась, и мы каким-то образом утратили заветное место в начале.

– Черт! – воскликнула Мэри. – Я хотела только сливочный кекс, а теперь они точно кончились. Какой кошмар. Я умру с голоду… – Мэри не упускала случая все преувеличить, и теперь она была похожа на жертву кораблекрушения, обнаружившую, что последний червивый кусок сухаря упал за борт. – Ну и что же там осталось? – добавила она чуть более спокойно.

Билл принюхался к идущим из кухни запахам, словно волк, чующий добычу.

– М-м-м. Думаю, на первое нас ждет суп из сельдерея, на второе аппетитная запеканка из сельдерея с гарниром из отварного сельдерея. И на десерт пюре из сельдерея с кремом.

На лице Брайана появилось легкое отвращение.

---

[5] *«Интервью с вампиром»* – кинофильм (1994), поставленный по роману Энн Райс (две номинации на «Оскар» в 1995 г.).

– А почему так много сельдерея? – спросил он.

Это была еще одна местная шутка. Повар колледжа просто помешался на сельдерее. То ли поэтому, то ли вследствие крайне низкой закупочной цены, но он добавлял сельдерей практически во все, вплоть до фруктового мороженого – по слухам. Мэри не возражала, поскольку твердо верила в то, что сельдерей сжигает больше калорий, чем содержит. Меня лично от него тошнило. Кроме того, слыханное ли дело, чтобы вареный сельдерей заменял все другие овощи, вроде картошки или моркови? Откуда там быть витаминам, если он варится четыре дня подряд? Именно эти вопросы задавала моя мама каждый раз, навещая меня.

Тем временем Мэри прочитала меню, приколотое кнопками к дверям столовой.

– На самом деле сегодня в меню яйцо под майонезом и салат спагетти болоньезе, а на десерт взбитые сливки. Отлично, – фыркнула она. – Ничего из этого мне нельзя. От яиц у меня сыпь, а в спагетти болоньезе кладут помидоры.

– Только не в этом колледже, – напомнил ей Билл.

– А я бы попробовал, – смело заявил Брайан.

Но вместо этого его быстро познакомили с прелестями шашлычного фургона, который каждый вечер стоял у ворот колледжа. В первый год я считала шашлычника нашим спасителем, ведь он оберегал меня от голода. Но когда он трижды поднял цены за один семестр, значительно опередив инфляцию, я задумалась, а может, наш повар в доле с шашлычником и нарочно готовит так плохо?

– Это не свинина? – спросил Брайан, получив холодную питу с подозрительными волокнами мяса и стручками маринованного перца, который по воскресеньям продается в Оксфорде на каждом углу.

– Сомневаюсь, что это мясо вообще подходит под какое-либо определение, – сказала Мэри. Она считала себя вегетарианкой, но для шашлыка делала исключение. Брайан осторожно куснул коричневую массу и тут же выплюнул.

– Что это? – спросил он нас.

– Добро пожаловать в Оксфорд, – сказала Мэри.

Обряд инициации завершился.

Вскоре Брайан стал непременной деталью нашей студенческой жизни. Он несколько вырос в глазах Мэри, сказав, что те откормленные поп-корном ребята, которых мы увидели с ним в первый раз и тут же возненавидели, просто летели с ним в одном самолете, а не были его друзьями. Он не играл в бейсбол и в баскетбол и не жил весь год в ожидании Суперкубка. Хотя он всегда завязывал шнурки и не носил, как мы, раздолбанные рабочие ботинки, оказалось, что вкус у него не такой уж дурной, если не считать одежды, в которой он ходил на занятия (ее целиком закупила его мама, поскольку у него были заботы поважнее; и Мэри сказала, что она это уважает).

К тому же у него оказалось несколько альбомов замогильной готической музыки, которых не было в Великобритании, и Мэри тут же их взяла послушать и три семестра подряд не соглашалась вернуть. Прослушав несколько вечеров «Led Zeppelin» и рассказы о том, как его родители вместе с родителями Билла (по утверждению последнего) ездили на рок-фестиваль в Вудсток, он подружился с Биллом.

Но Брайану не нужно было слушать правильную музыку и носить правильную одежду, чтобы произвести впечатление на меня. Я просто обожала его чувство юмора. Он был таким… таким, на самом деле, английским. Немного саркастичный, с легким налетом чернухи. Мне нравились его безумные рассказы о детстве в Нью-Йорке. До Брайана совершенно не хотелось съездить в Америку. Диснейленд, избыточный вес, и все такое. Но, послушав его рассказы, я очень быстро поняла, что есть так много других вещей, о которых я никогда

не узнаю, если не съезжу на тот берег. Я хохотала над тем, как таксисты *Ну Йойка* заказывают *кофэ*. Я затаив дыхание слушала его рассказы о том, как он подрабатывал официантом в манхэттенском «Пицца Хат», куда часто заходили мафиози.

А после того как он рассказал про собственную бабушку, которая водила к стоматологу абрикосового карликового пуделя по кличке Спенсер Трэси Второй ставить пломбу на верхний клык, а я при этом не могла оторваться от его карих глаз, – я поняла, что влюбилась.

Глава вторая

На самом деле меня поразило громом через месяц после первой встречи.

Мы с Биллом, Брайаном и Мэри сидели в комнате отдыха первокурсников и пили кофейную бурду, на которую с нас раз в семестр собирали по три фунта. В одиннадцать утра в комнате отдыха всегда было полно народу, который хотел за свои деньги получить что-нибудь такое, чтоб потом не стошнило.

– Завтра в «Сент-Эдмунд Холле» «Антоний и Клеопатра», – вдруг сказал Брайан. Мы часто жаловались на скудость культурных мероприятий (не признаваясь, что особенно их и не ищем). – Как думаешь, это хорошо? – спросил он.

Мэри фыркнула в чашку.

– Ты у Лизы спроси, – ответила она.

– А ты что – смотрела? – спросил Брайан.

Я густо покраснела и уткнулась в свой кофе. Ну почему Мэри такая?

– Вообще-то я действительно там буду, – призналась я. – Но, к сожалению, не могу сказать, хорошо это или плохо. – И быстро добавила: – То есть вряд ли представится возможность – я сама буду на сцене.

– Вот здорово, Лиза! – с жаром воскликнул Брайан. – Что ж ты не говорила? – Он повернулся к Биллу и Мэри. – Вот это да! Наша Лиза – артистка. Теперь-то мы уж точно должны пойти.

– Ну-ну, – покачала головой Мэри.

– Она не разрешает смотреть на свою игру, – пояснил Билли и, прежде чем я что-то успела пикнуть в свое оправдание, добавил: – Говорит, что она от этого начинает стесняться и путать слова.

Все точно. Я начинала путаться в словах, если среди зрителей был кто-то из знакомых.

– Лиза, я понятия не имел, что ты играешь! – удивленно воскликнул Брайан. – А еще жалуешься на недостаток культурной жизни! А теперь выясняется, что ты тайком играешь Шекспира!

Я пожала плечами.

– И какую роль? – спросил он.

– По-моему, кого-то из копьеносцев, – несколько свысока заявила Мэри.

– Вообще-то я играю Клеопатру, – поправила я.

– Ого! – Брайан всплеснул руками. – Это же главная роль. Погоди-ка, ведь это самая важная роль в пьесе. Ты играешь главную героиню и ничего нам об этом не сказала!

– Я считаю, Клеопатра должна быть красивой и смуглой, – сказала Мэри, глядя на свои ногти, словно кошка, нацелившаяся на любимого в семье попугайчика. – Во-первых, у нее не было веснушек.

– Я буду в гриме, – напомнила я Мэри. – И потом, нет у меня веснушек. О чем ты?

– Во-вторых, волосы у нее черные.

– Не дразни ее, Мэри, – перебил Брайан. – Я уверен, Лиза отлично подходит для этой роли.

– Сомневаюсь, – сказала я честно.

– Она так стесняется, что учит роль под душем, – сказала Мэри. – Чтобы никто не слышал из-за воды.

– Ничего подобного, – запротестовала я. Хотя на самом деле я так и делала, после того как мой сосед Грэм, студент матфака, нажаловался, что постоянное заучивание текста вслух отвлекает его от алгоритмов. Однажды они с деканом вломились ко мне в комнату в самый разгар сцены со змеей. Сначала я расценила это как комплимент. Видимо, моя предсмерт-

ная агония разыграна с крайней степенью убедительности. Но декан вернул меня к действительности словами о том, что следующий такой спектакль увенчается не аплодисментами, а солидным штрафом.

– Как же так я ничего не знал! Разве можно скрывать свой талант от друзей? – спросил Брайан.

– Да я не уверена, что это талант, – объяснила я. – И ничего я не скрывала. Просто не хочется всех доставать своими проблемами. Это все мое личное дело.

– Но ты играешь в пьесе, – напомнил мне Брайан. – Это уже не твое личное дело.

– Да меня уговорили, – соврала я. – Все равно текст этот есть в программе. Не надо будет потом учить.

– Но тебе ведь хоть немного хочется играть на сцене, – настаивал он.

Я пожала плечами. Еще как хотелось сыграть Клеопатру. Пока Мэри всем не разболтала, я страшно гордилась тем, что мне доверили такую большую роль. Правда, я не была уверена, что справлюсь, и не хотела, чтобы близкие люди ежедневно дразнили меня актрисой. Близкие – это Мэри, Билл и Брайан. А если им не понравится моя игра? Если я сыграю так плохо, что они потом не будут знать, как смотреть мне в глаза. Я не смогу играть дальше, если каждый день буду обедать с самыми строгими критиками.

Пока Мэри не вынудила меня раскрыть карты, я намеревалась дождаться, по крайней мере, пяти одобрительных рецензий и только потом пригласить друзей на свой спектакль. Пять *хороших* рецензий. Звучало солидно, но вероятность осуществления приближалась к нулю. Хотя бы потому, что студентов-критиков, которые могли прийти на спектакль, было только четверо.

– Я правда очень хочу посмотреть, как ты играешь, – пытался убедить меня Брайан.

– И мы, – подхватили Мэри и Билл нестройным хором. – Если Брайану можно идти на спектакль – мы тоже пойдем. Так будет честно.

– Нет, ни за что, – сказала я в отчаянии. – Вы хотите, чтобы я все напутала? Пожалуйста, не ходите. Вам будет неинтересно. Я умру от стыда.

– Не зарывай талант в землю, – произнес Брайан с еврейской назидательностью.

– Я не зарываю. Я только не хочу, чтобы вы ходили смотреть. По крайней мере, сейчас. Послушайте, я же знаю, как будет: Мэри и Билл будут строить мне рожи. Один раз я их пустила. Я играла няню в «Ромео и Джульетте» и чуть не лопнула от сдерживаемого смеха, увидев в заключительном акте задумчивую физиономию Билла в последнем ряду. К счастью, все подумали, что меня сотрясают сдерживаемые рыдания, – и сноб из газеты «Изида» написал, что это произвело впечатление. Кто примет меня всерьез, если в трагических сценах меня будет трясти от смеха?

– Я больше не буду, – пообещал Билл, но обещаниям Билла я не верила с тех пор, как он решил с Нового года каждый день после спортзала переодеваться, так чтобы его дивной мускулатурой можно было любоваться только по особым случаям. Он держался до пятнадцатого января.

– Верится с трудом. Кому еще кофе? – спросила я, отчаянно пытаясь заговорить о другом. О чем угодно, кроме спектакля. К счастью, мне на помощь пришел Брайан.

– Я принесу, – сказал он. – Но только если ты нам разрешишь посмотреть, как ты играешь.

– Ни за что! – завопила я. – Я же только что объяснила…

– Да шучу я, шучу. – Брайан поднял руки. – Не хочешь – не придем. Мы не хотим нарушить творческий процесс.

– Жаль, – вздохнула Мэри. – Я бы посмотрела, как ты изо всех сил стараешься не расхохотаться.

– Не доставай ее, Мэри, – предостерег Брайан.

Я облегченно вздохнула.

Чего кривить душой, я испытала легкое разочарование, когда назавтра перед началом спектакля не увидела в зале никого из них. В тот день я встретила Билла в столовой, и он сказал мне, что они сразу же после ужина идут есть карри (я уже говорила, что столовская еда способствовала похуданию). Но я догадалась, что он пускает меня по ложному следу. Я по-прежнему не сомневалась: вся троица будет сидеть в последнем ряду и прикрывать ухмыляющиеся физиономии программками в жалкой попытке остаться незамеченными. Но их не было. Во всяком случае, я их не увидела, потому что, прежде чем я успела подробно рассмотреть зал с безопасной позиции за занавесом, зажглись огни рампы и я уже не видела ничего, кроме сцены.

В университете были сотни театральных трупп. В большинство из них я записалась еще на Неделе первокурсника, но в конце концов моим уделом стала крошечная труппа под названием «Подвал» – только там меня не завернули сразу. Во всех остальных, едва я начинала изображать появление отважной Виолы в Иллирию и после кораблекрушения, меня прерывали вопросами: не хочу ли я помогать за кулисами? или открывать занавес? и умею ли я шить римскую тунику? Члены «Подвала» отнеслись более снисходительно к моим актерским способностям. Большинство из них сидело на транквилизаторах, что, вероятно, сработало мне на руку. Я мечтала о сцене с детства. Я думаю, что меня зацепило в первый раз, когда нас с братом Колином премировали билетами на мюзикл «Энни» на Рождество 1981 года. Колину история храброй сиротки не понравилась. По его мнению, там было слишком много пения и девчонок. Но я была в восторге, и последующие полгода громко распевала песни из мюзикла в надежде, что какой-нибудь влиятельный господин услышит мое пение с улицы и пригласит в актерскую школу. Разумеется, этого не случилось. В Солихалле ничего подобного не случается, зато моя мать записала меня в драмкружок при местной церкви, где готовилась собственная версия «Энни». На прослушивании я старалась изо всех сил, но главную роль дали дочери церковного сторожа (она страшно фальшивила, но у нее был подходящий цвет волос). Я дала согласие на роль одной из приютских, но в день премьеры сказала, что заболела ангиной, и ни разу не играла.

Затем пубертатный период, а также мысль о том, что мой прыщавый лоб, скрываемый под уродской длинной челкой, увидит куча народу, надежно ограждали меня от сцены. В трех школьных постановках я участвовала в качестве помощника режиссера. Никто не спрашивал, хочу ли я играть, потому что все думали, что мне нравится тянуть за веревки, открывающие занавес, но я следила за исполнительницами главных ролей и знала, что могу сыграть лучше их. Я выучила все реплики и отрепетировала их в спальне перед зеркалом на случай, если главная героиня и дублерша неожиданно заболеют. Но однажды я сказала себе: хватит робеть.

К моменту поступления в университет я еще не вполне справилась с робостью, но на прослушивание все же пошла, потому что прочла статью в «Космополитен» или в другом таком же полезном журнале о том, как бороться с фобиями. Снова ставьте ногу в стремя, говорилось там. Самое смешное, что я боялась не публики как таковой. Меня волновало мнение людей моего круга, особенно моих знакомых. Если бы сэр Ричард Аттенборо увидел меня в роли Клеопатры и сказал, что это ужасно, мне было бы все равно. В школе мою театральную карьеру сгубило опасение, что моя игра покажется ужасной моим одноклассникам. Теперь меня преследовала мысль о том, что так же подумают друзья по колледжу.

Перед актерами «Подвала» я выкладывалась от души, потому что они все были незнакомые и казались мне обычными и неинтересными. Они, можно сказать, упросили меня играть в их труппе, предположив, видимо, что у меня нет отбоя от предложений из других театров. На самом деле только одна труппа позвала меня на повторное прослушивание – они

искали на роль копьеносца для «Юлия Цезаря». В «Подвале» мне предложили роль няни в «Ромео и Джульетте», и я решила, что лучше все-таки быть крупной рыбой в мелком пруду.

Длинноволосый, патлатый режиссер труппы по имени Род решил ставить «Антония и Клеопатру» после того, как по его инициативе летом поставили кошмарную пьесу каталанского автора про тайный код синтаксических структур предложения (по крайней мере, я так поняла содержание), получившую ужасные рецензии практически во всех университетских изданиях с последующим падением всякого интереса к спектаклю, что практически разорило труппу.

Пришлось сделать шаг навстречу массовому зрителю, а пьеса «Антоний и Клеопатра», где любовь и смерть присутствовали в равных пропорциях, наверняка должна была привлечь публику. Я одобряла выбор пьесы, но сомневалась в выборе места. Подвал «Сент-Эдмунд Холла» великолепно подходил для интимных сцен (от него и пошло название труппы), но зрители в нем не помещались, а смена декораций в тесноте и полумраке сцены превращалась в настоящий ад. Я забыла сказать, что труппа «Подвала» была так мала, что мы нередко играли по две роли, и даже ведущим актерам приходилась заодно таскать декорации. Мне это было особенно сложно, потому что в моем костюме была масса толщинок спереди и сзади, и с каждым спектаклем их почему-то становилось все больше. Я знала, что у меня не очень женственная фигура, а Клеопатра уже успела родить детей до встречи с мужчиной своей жизни, и тут уж я начала сомневаться, кого я играю: царицу Египта или кого-нибудь из телепузиков.

За костюмы отвечала Филидда, исполнявшая также роль моей служанки Хармианы. Роль служанки для нее была некоторым понижением по службе, потому что, когда мы играли Ромео и Джульетту, она исполняла роль Джульетты, а я – няни. Я тоже пробовалась на роль Джульетты и, наверно, получила бы ее, если бы на Ромео не выбрали бойфренда Филидды. Когда объявили, что именно Грег будет играть романтического героя, я поняла, что мне не грозит упасть в обморок с балкона. Не получи Филидда роль Джульетты, она могла бы уйти из труппы вместе с дорогостоящим осветительным оборудованием, купленным ею по беспроцентному кредиту у своего фантастически богатого отчима.

– Бородавки не забудь наклеить, – сказала Филидда, когда я стала гримироваться перед премьерой.

– Я не уверена, что у Клеопатры были бородавки, – заколебалась я.

– Тогда у всех были бородавки, – заверила она меня. – Представляешь, какая мерзость могла их укусить в пустыне? А бубонная чума?

– Разве это было при Клеопатре? – спросила я.

– Возможно.

– Все-таки я не понимаю, зачем они нужны. Это же отвлекает зрителя.

– Род хочет, чтобы наша постановка «Антония и Клеопатры» была самой реалистичной из всех университетских постановок, – терпеливо объяснила она. – Бородавки – это его идея.

– Хорошо. – Меня одолевали сомнения, но я прилепила одну бородавку на кончик носа, и тут же с облегчением подумала, как хорошо, что никого из моих друзей нет сегодня в зале.

– А сама ты бородавки клеить не собираешься? – спросила я, видя, как она рисует себе толстые черные круги под глазами, превращая тихую провинциальную девушку в разъяренную гурию. – Если у Клеопатры были бородавки, наверняка у ее служанки тоже были бородавки.

– У меня есть, – ответила Филидда, показав мне крохотную припухлость на подбородке. – Теперь сиди смирно, я подведу тебе глаза.

Я закрыла глаза и отклонила голову назад.

– Сиди смирно, – повторила Филидда, подходя ближе и держа карандаш для глаз как кинжал. – Если ты дернешься, я могу выколоть тебе глаз.

– Я не дернусь, – пообещала я.

– Нет, ты дернулась, Лиза, – сказала она и ткнула карандашом в глаз.

– О-о! – я выпрямилась, прижав ладони к лицу. – Ты ткнула меня карандашом!

– Я тебе говорила, не дергайся! Больно? – спросила она удивительно бодрым голосом. – Хочешь, я позову Рода и скажу ему, что ты не можешь играть?

– Сначала посмотри, что у меня с глазом!

– Открой! – Филидда оттянула мне веко. – Ну как, видишь?

– Нет, ты же закрыла мне глаза пальцами.

– О черт, прости, – сказала она, не убирая пальцы. – Ох, Лиза. Какой ужас. Премьера «Клеопатры», а ты не можешь играть.

– Могу, – возразила я, отталкивая ее руки. Все плыло передо мной как в тумане. Хотя она ткнула меня в левый глаз, слезы лились из обоих и казалось, что они болят оба. – Да как он выглядит, этот чертов глаз? – спросила я ее.

– Ой, Лиза, ужасно. Действительно ужасно. Даже не знаю, что тебе сказать.

– Лучше дай зеркало.

– Думаю, тебе лучше не смотреть.

– Дай мне зеркало!

Прозвенел звонок, приглашая публику занять места. Меньше чем через две минуты после того, как поднимется занавес, я должна быть на сцене, пленительная и гордая, а тут грим течет у меня по лицу, как разлившаяся нефть в Ниагарском водопаде.

– Уже звонок, – завопила Филидда, как будто я его не слышала. – Боже мой, Лиза. Что делать? Давай, я сыграю роль Клеопатры, да? А ты Хармиану. У меня парик длиннее, и тебе будет легче: у нее меньше текста.

– Что у вас такое происходит?

Это Род пришел узнать, почему мы не явились на медитацию, которая проводилась перед каждым спектаклем.

– Мы читаем мантры.

– У Лизы ужасная травма, – объяснила Филидда. – Клеопатру буду играть я. Какой кошмар.

Но для нее это был совсем не кошмар. Я вдруг подумала, что Филидда могла специально ткнуть меня в глаз, чтобы забрать роль себе. Как-никак, ее Грег играет Антония, и все слышали, как Филидда сомневалась, что он сможет симулировать любовную сцену.

– Я буду играть, – возразила я. Сквозь туман в глазах я увидела на лице Филидды выражение глубокого неодобрения.

– Тебе же плохо, Лиза, – зашептала она.

– Мне хорошо. Я отлично вижу правым, а ко второму акту и левый наверняка отойдет.

– Родни, ей плохо, – сказала Филидда, срываясь на визг. – Она может от шока забыть текст. А вдруг она споткнется или еще что-нибудь?

– Вот тогда и будешь играть, – сказала я. – Я справлюсь. Знаешь, как я ждала этой роли. Сделай-ка мне повязку на глаз.

Поняв, что за кулисами меня не удержать, Филидда, ворча, принялась за дело. Я думала, повязка будет незаметной и ее прикроют египетские косы, но когда подняли занавес, на сцену в премьерном спектакле вышла Клеопатра с большой нашлепкой из пластыря на весь глаз. Но по крайней мере она отвлекала от бородавок.

Я старалась не думать о том, что выгляжу, как после десяти раундов с Франком Бруно[6]. На самом деле резь в глазу помогла мне собраться и удачно продемонстрировать ярость в

[6] *Франк Бруно* – британский боксер (р. 1961).

нужных местах. Конечно, не все шло гладко. Антоний чуть не погиб раньше срока, когда с софита сорвался один из тяжелых прожекторов и грохнулся прямо ему под ноги – в разгар беседы с Цезарем. Между актами выяснилось, что Хармиана подозревает Антония в шашнях с первокурсницей, и бедняга стал так зажиматься, что публике было в пору задуматься, как его вообще угораздило заинтересоваться женщинами.

Несколько раз я слышала, как в зале охают и гудят, и надеялась, что это реакция на мою игру, а не на повязку или бородавку, которая свалилась с носа на ноги Хармиане, когда она коленопреклоненно внимала моему плачу по Антонию. Во время короткого перерыва за кулисами Филидда швырнула мне бородавку с таким отвращением, словно она была настоящей.

– Из-за нее я запорола свои лучшие реплики, – проворчала она.

– Больше не буду ее приклеивать, – ответила я.

– Нет, так надо. Для достоверности. Только теперь на щеку.

– А не покажется странной такая блуждающая бородавка?

– Я гример, мне виднее.

– А по-моему, она тебе идет, – сказал Грег, незадачливый Филиддин Антоний. – Физические недостатки зачастую придают девушкам особую прелесть.

– Ты так думаешь? – спросила я.

– Конечно нет, – отрезала Филидда.

– У нас есть деньги скинуться на ужин? – спросил Грег, чтобы сменить тему.

– Нет. Вообще-то вы все должны мне по три фунта за заказ места сбора.

– Что? – спросил Грег. – Уверен, Лоуренсу Оливье никто такого не говорил.

– Уверена, что Лоуренс Оливье не забывал текст, выпендриваясь перед девицей в первом ряду, – оборвала его Филидда.

– Какой девицей в первом ряду? – наивно спросил Грег.

– Прекрасно знаешь, о ком я. Такая, с грудью торчком.

– Что? – изумился Грег.

– Либо ей было приятно тебя видеть, либо в зале было холодно. Неужели ей не на что купить лифчик?

– Здесь действительно очень холодно, – попыталась я спасти Грега. – Мои груди тоже торчали как два наперстка.

Роковая ошибка. Грег немедленно уставился на мою грудь. Филидда метнула убийственный взгляд на мой единственный целый глаз.

– Как ты позволил ей прийти сегодня сюда, в день моей премьеры, – продолжила она, отворачивая Грега от моей груди. – Как я могу погрузиться в прекрасный текст Шекспира, когда *эта* сидит в первом ряду и напоминает мне о том, чем ты занимался, пока я сдавала экзамены.

– По-моему, пора давать звонок к началу второго акта, – вспомнила я. Мне надоело слушать их перепалку, и вообще я хотела еще успеть в индийский ресторан на вафли с далом. Во время спора я еще раз глянула в зал в поисках кого-нибудь из знакомых. Никого. Я должна была радоваться, что они не увидят меня в гриме с этими бородавками и всем прочим, но почему-то не обрадовалась. Они действительно не пришли. Почему я так расстроилась?

– Вот возьму и на самом деле покончу с собой, – с пафосом заявила Филидда.

– Филидда, прекрати издеваться! – взмолился Грег.

Я подумала, что хорошо бы проверить, что в корзине со змеями, для сцены смерти Клеопатры, змеи действительно резиновые (это была не такая уж глупая идея – Филидда изучала зоологию и могла достать ядовитых ящериц). И вообще за реквизит отвечала я.

Слава богу, спектакль закончился без реального самоубийства. После того как Цезарь произнес заключительное слово о гордости египетской царицы и ее римском возлюбленном,

все, кто не умер от укуса змеи, склонили головы в знак скорби и так стояли до тех пор, пока игравший римского императора Род не выпрямился, давая сигнал к восторженным аплодисментам (неожиданным при таком небольшом количестве зрителей), а также к моему воскрешению и к выходу на поклоны. Обычно публика ждала, пока прозвучит последняя фраза, и только потом награждала нас аплодисментами… но в этот раз было не так. Выверенная пауза была нарушена громкими хлопками и криками из доселе пустовавшего последнего ряда.

– Браво! Бис! Да здравствует одноглазая царица Египта!

Красная роза пролетела надо мной, лежащей замертво. За первым цветком полетел другой, третий, пока их не набралось на моем теле… думаю, не меньше дюжины. Я села и, прищурясь, посмотрела в зал. Мы еще даже не собрались к выходу на аплодисменты. Многие актеры еще не вышли на сцену. Это было совершенно неожиданное поведение для обычно спокойных, почти впадающих в кому, любителей Шекспира.

– Так. Это уже не мне, – сказала Филидда, вставая на ноги, когда неожиданно к цветам на сцену приземлились шорты, сопровождаемые таким оглушительным свистом, что я чуть не оглохла. Увы, я уже догадалась, что это буйство имеет отношение только ко мне.

Я осторожно подняла брошенные штаны и повертела их в руках. Фиолетовые шорты. Только один человек в мире мог носить такие штаны просто так, без всякой задней мысли. Более того, это были белые шорты, которые были когда-то выкрашены в темно-фиолетовый цвет в университетской прачечной, и еще спустя месяц вся выстиранная там одежда выходила бледно-сиреневой.

Это был Билл.

Теперь, когда прожекторы погасли, я хорошо видела, что он стоит в конце зала, засунув пальцы в рот, и собирается в очередной раз оглушительно свистнуть. Рядом с ним стояла Мэри и относительно спокойно аплодировала. С другой стороны стоял Брайан с последней длинной розой из тех, которые он метал с такой точностью. Потом они побежали по проходу, как будто мы рок-группа, а они собираются забраться на сцену. Филидда повернулась ко мне, подняв брови.

– Я запишу, что ты должна мне три фунта, – сказала она. Помимо костюмера она была еще и бухгалтером труппы. С этими словами она ушла не попрощавшись.

– Это было так здорово! – воскликнул Брайан, хватая мою руку и целуя ее. – Ты играла прекрасно, великолепно, к тебе применимы все эпитеты, которые мог бы придумать человек, изучающий английскую литературу, а не экономику.

– Ты хорошо играла, – сказал Билл.

– Да, неплохо, – сказала Мэри. – Особенно хороши были бродячие бородавки. А что у тебя с глазом?

– Это Филидда. Ткнула карандашом для глаз.

– Кошмар. Я думала, что она ударит, когда ты очень натурально целовалась с Антонием.

– Еще как натурально. Я ревновал, – сказал Брайан, заставив меня покраснеть до корней волос. – Ты прямо пылала от страсти, царица Клео.

В тот момент я действительно запылала и постаралась прикрыть париком раскрасневшиеся щеки.

– Но я не видела вас в зале, – пробормотала я.

– А-а-а! – воскликнул Билл. – Это Брайан придумал. Как только ты вышла на сцену, мы тут же спрятались за спинки кресел и сидели там до конца первой сцены, чтобы ты нас не увидела, подумала, что мы не пришли, и не спутала текст.

– Правда, ты была великолепна, – не унимался Брайан.

– Да. Ну что, идем есть карри? – перебила Мэри. Она либо очень проголодалась, либо ей надоело поздравлять меня со спектаклем. Как бы то ни было, идея была неплохой. Я уже не могла выслушивать похвалы, и мне не терпелось снять парик.

– Я думала, вы не придете, – сказала я Брайану, когда мы направлялись в «Тандури Найтс», где давали самое лучшее и самое дешевое карри в Оксфорде.

– Неужели я мог это пропустить, – сказал он. – Увидеть свою знакомую на сцене? Это был триумф, Лиза.

– Невероятно, как тебе удалось сдержать Билла и Мэри, – добавила я с благодарностью.

– Они знали, что я бы очень разозлился, если бы они испортили тебе этот важный вечер. Знаешь, я восхищаюсь людьми, которые в свое свободное время могут научиться так играть, – сказал он. – Ты была даже лучше, чем Лиз Тейлор в кино. Ты, Лиза Джордан, особая, очень талантливая и бесконечно удивительная девушка.

– Да ладно, не преувеличивай, – пролепетала я.

– Ты знаешь, я говорю правду, – сказал он.

– О!

Он посмотрел мне прямо в глаз и на повязку.

Особая, талантливая и бесконечно удивительная?

Никто не говорил мне раньше ничего подобного, и мне пришлось стукнуть его. Только по руке… и только слегка. Но все равно его нужно было стукнуть. Неужели Брайан не понимал, что англичане делают комплименты с сарказмом и иронией? Я вся горела, пока мы шли до ресторана, и все еще была цвета фуксии перед тем, как попробовать знаменитое фирменное блюдо – цыпленка «тикка махани». Я даже не особенно смутилась, когда Билл сказал мне, что я забыла снять бородавки.

Особая, талантливая и бесконечно удивительная!

С таким же успехом Брайан Корен мог бы признаться мне в любви.

Глава третья

– Думаешь, у него в Америке девушка? – спросила меня Мэри на следующий день, когда мы катили тележку в поисках каких-нибудь просроченных продуктов на добавку к нашему сырно-крекерному рациону.

– Если и есть, то он никогда не говорил об этом, – сказала я.

– Может быть. Наверно, они его просмотрели, гоняясь за здоровенными быками-футболистами, – сказала она. – Американки вообще ничего не понимают в мужиках. Ты только посмотри, как эти гривастые тетки бросаются на Клинтона.

– Это скорее тяга к власти и известности, чем физическое влечение, – напомнила я. – Здорово ведь захомутать самого могущественного человека в мире, каким бы замухрышкой он ни был.

– М-м-м. Интересно, какой он, когда голый, – задумчиво сказала Мэри.

– Билл Клинтон? Не толстый, но и не так чтобы худенький. Небольшое брюшко? Думаю, загорелым он выглядит лучше.

– Да не он, балда. Я имею в виду Брайана, – нетерпеливо сказала Мэри.

– Брайан? Что? *Наш* Брайан? Ой, не знаю, – нервно засмеялась я. – На самом деле никогда об этом не думала.

– Врешь.

– Не вру. Он же друг! – возразила я. – А не какой-то мужик, которому можно перемывать кости в супермаркете.

– Да? Ты хочешь сказать, что и Вело-Билла ты никогда не представляла себе голым? – спросила Мэри, угрожающе наставив на меня зеленый банан.

– Правда, никогда, – содрогнулась я, поднимая руки вверх. – Во всяком случае, этот его костюм из лайкры, в котором он ходит на тренировку, совершенно не оставляет места для воображения. Да и не очень-то хочется. На самом деле я хочу попытаться представить себе, как Билл будет выглядеть в нормальных брюках. Сшитых из нормального твида со скромной молнией и стрелками на каждой брючине. И в рубашке со всеми застегнутыми до горла пуговицами, чтобы не видно было этих ужасных волос на груди, которые словно тянутся к тебе и норовят опутать, стоит лишь отвернуться в сторону.

– Ага. Ты тоже обратила внимания на этот пук волос? – прошептала Мэри. – Отвратительно. Но, знаешь, иногда я просто не могу оторвать от них взгляд.

– Я прекрасно понимаю, что ты имеешь в виду. Точно так же невозможно не смотреть на раздавленного на дороге ежа с размазанными внутренностями, да? – сказала я, утрируя картину. – А ты знаешь, что у него и на спине тоже растут волосы?

– Откуда ты знаешь? – взвизгнула Мэри. – Я бы, если увидела, наверно, заорала бы. Когда ты это видела? Ты хочешь сказать, что ты *переспала* с ним, и не сказала об этом мне, да? Это так? Лиза, я не могу поверить…

– Нет! – громко запротестовала я. – Все было абсолютно невинно. Было лето. Он загорал на крикетном поле. Он надел рубашку до того, как ты к нам подошла.

– Слава богу! Я могла бы грохнуться в обморок, увидев его полуголого. Какой кошмар! Думаешь, у Брайана тоже волосатая грудь? – спросила она, чтобы сменить тему.

– Клянусь, я никогда не думала об этом, – соврала я еще раз.

– Наверняка. У него такие густые и темные волосы на голове. Он похож на человека, которому приходится бриться дважды в день. И к тому же он еврей, – сказала Мэри, многозначительно подняв брови.

– Что ты хочешь сказать? Что евреи в среднем более волосаты?

– Нет! Я хочу сказать – ну, ты понимаешь меня, – и она скосила глаза вниз. – Я о том, ну, что у него все на виду.

– Не понимаю! О чем ты? – в отчаянии спросила я, швыряя в тележку банку пастеризованных сливок. Не знаю, зачем они были мне нужны, но у них только что кончился срок реализации, и они подешевели на шестьдесят пенсов.

– Я о том, что он лысый, балда. Ему нечем прикрыть головку. – Она натянула на голову воображаемый капюшон, но до меня все не доходило.

– А?

– Да я про то, что он наверняка обрезанный, – прошептала она.

– А, понятно, – медленно сказала я. Тут она, конечно, сильно утерла мне нос с моим жалким рассказом про волосы на груди.

– Только не надо говорить, что ты про это не думала! – сказала она, пихая меня в плечо. – А ты вообще видала таких? Обрезанных? Как думаешь, им его сильно обрезают?

– Не знаю. – Перед моим внутренним взором уже стояла вереница маленьких обрезанных пенисов, перебинтованных, словно армия раненых солдат. – Но ведь, кажется, *сам он* при этом короче не становится? – спросила я.

– Вроде нет, – ответила Мэри. – Вроде бы обрезают только крайнюю плоть. Но всю ли ее обрезают, как думаешь? Или только отрезают кусочек?

– Какой смысл отрезать половину, – предположила я. – Наверно, раз уж резать – то под корень.

За разговором мы дошли до морозильного прилавка. Мужчина, до этого вертевший в руках мясную нарезку, внезапно раздумал ее покупать.

– Видимо, есть и гигиенический аспект, – сообщила мне Мэри, выудив жухлую сосиску и используя в качестве пособия. – Началось все именно с этого. Исторически. Таким образом мужикам под кожу не попадают микробы.

– Но разве, если эта штука открыта, она не становится более уязвимой? – возразила я. Мы с Мэри вообще любили вести интеллектуальные беседы.

– Ничего подобного, – твердо ответила Мэри. – И это не единственный плюс. Джемима из моей группы по нейрофизиологии говорит, что так гораздо лучше для орального секса. Во-первых, какая экономия времени, ведь голый конец гораздо чувствительней к стимуляции. А во-вторых…

– …не будет просить бутерброд с беконом? – усмехнулась я, разглядывая пакет с корейкой.

– Точно, – хохотнула Мэри. – Но тогда и правда не надо бояться дрожжей.

Мы посмотрели друг на друга и поморщились. Я знала, что она имеет в виду, как, к сожалению, и большинство девушек. Мэри швырнула сосиску к ее подружкам. И видимо, не только потому, что в силу высоких моральных принципов она вынуждена была придерживаться вегетарианства.

– О боже! Мне вдруг пришло в голову самое страшное, – сказала она, бледнея и шатаясь. Она схватила меня за руку и в ужасе зашептала: – Представь себе, что надо сделать Биллу минет. Ты должна сделать ему минет, или на рассвете всю твою семью расстреляют религиозные экстремисты.

– Прекрати, – взмолилась я.

– Ты можешь хотя бы об этом подумать?

– Я изо всех сил пытаюсь не думать об этом…

– А надо, Лиз. Я не могу нести это бремя в одиночку. Представь себе. Для начала тебе придется содрать с него все цветастые обмотки, которые обычно висят на двери его комнаты. Представь: он пробежал двенадцать миль, потом два часа греб на реке и… и… – она поперхнулась. Поперхнулась от одной только мысли!

– Ладно. Пойдем отсюда, – сказала она, потянув меня к выходу.

– А как же наши покупки? – спросила я.

– Я сейчас даже и думать о них не могу. Кажется, меня сейчас стошнит.

У нас в тележке были только сливки и три зеленых банана, поэтому мы бросили ее у холодильного прилавка и ринулись на спасительный свежий воздух.

– Как ты? – спросила я, догоняя Мэри, согнувшуюся пополам в припадке тошноты и истерического хохота.

– Сейчас отдышусь, – ответила она выпрямившись, но продолжая хохотать. – Знаешь, кажется, я придумала новую диету. Она называется *минетная диета*. Весь необходимый белок можно получать, занимаясь оральным сексом с парнями, которые тебе действительно нравятся, а приступы голода подавлять, думая про оральный секс с парнями, которые никогда не моют свой шланг.

– Отличная мысль, доктор Бэгшот, а откуда мы будем брать клетчатку?

– Клетчатку мы будем брать из подушки, которую можно кусать, пока Леонардо Ди Каприо выполняет под одеялом кунилингус.

– Умоляю тебя, – засмеялась я. – Это же практически лесбийская любовь. У настоящего мужчины хоть что-то должно расти на лице.

– Хм. Наверно, ты права, – задумалась она. – Хорошо. А как тебе такой вариант. Выбирать самой каких-нибудь классных парней. Тех, от которых начинает биться твое сердце. Эта диета хороша тем, что носит совершенно индивидуальный характер. – Она говорила так, словно сочиняла рекламные тексты для обложки своей книги.

– Тогда я выбираю Брэда Питта, – сообщила я Мэри. – Слегка небрит, но ничего страшного.

Мы направились назад к колледжу, остановившись по дороге у лавки с жареной картошкой, поскольку наш поход за провизией закончился бесславно.

– Брайан мог бы отрастить себе красивую бороду, – задумчиво произнесла Мэри, выуживая деревянной вилкой из пакета самую жирную картофелину и зажимая ее ярко-вишневыми губами. – Знаешь, Джемима говорила мне, что он ей очень нравится, но я сказала, что ей тут не обломится, потому что он наш.

– В платоническом смысле, – напомнила я.

– Конечно в платоническом. Если бы один из нас захотел бы чего-то другого, это бы все испортило, правда?

– Конечно бы испортило.

– Вот именно. Поэтому мы не делаем стойку на Брайана Корена, если только одна из нас не втюрится в кого-нибудь совершенно постороннего, и тогда оставшаяся сможет попытать счастья. Идет?

Она протянула руку, чтобы скрепить договор рукопожатием.

– Идет. Можно подумать, кто-то из нас его интересует, – вздохнула я.

– Говори за себя, мисс Низкая самооценка.

Глава четвертая

Естественно, увидев вечером Брайана, я думала только о нашем разговоре с Мэри возле холодильника и о пакте у прилавка с продуктами, заключенном в чипсовой лавке.

Интересно, думала я, глядя на Брайана, смаковавшего «Гиннесс» с видом знатока, а сам-то он понимает, что нравится нам, в отличие от Билла, вечно сидящего враскорячку, чтобы все видели его обтянутые лайкрой причиндалы, которые и так были видны без микроскопа, и считающего, что в колледже все девушки от него без ума, хотя мы скорее стали бы слизывать собачью шерсть с грязного ковра, чем целоваться с ним. Особенно после его сообщения о том, сколько пломб у него во рту. Семь вверху, шесть внизу. Брайан, надо сказать, еле сдержал гримасу, когда Билл предложил ему взглянуть на металл у себя во рту.

– Думаю, ты мог бы принимать радиосигналы, – серьезно сказал Брайан.

У Брайана, конечно, не было ни единой пломбы. Его голливудские зубы были белее замазки для опечаток. Как у всякого американца, виденного мной по телевизору – от президента до сторожа автостоянки. Осмотрев Билловы мостовые конструкции, Брайан повернулся ко мне и сказал:

– А знаешь, Лиза, для англичанки у тебя очень хорошие зубы. – Я тут же перестала смеяться и потупилась. Во-первых, потому, что не была уверена, что это комплимент, а во-вторых, почувствовала сверлящий мне затылок завистливый взгляд Мэри: она тщательно камуфлировала обломанный резец – результат бурной попойки на Неделе первокурсника с последовавшим целованием асфальта.

– Ладно, – сказал Билл, с грохотом ставя на стол стакан, чтобы вернуть нас на землю после поочередного заглядывания к нему в рот. – Ну что, пойдем на вечеринку «Два предмета одежды»? Если один из них – шляпа, то выпивка бесплатно, – добавил он так, словно одного этого было достаточно, чтобы раздеться в разгар зимы.

Вечеринка «Два предмета одежды» была мечтой Билла. Он не раз говорил, что готов пожать руку тому парню (а это непременно был парень), что первым изобрел такую вечеринку. Принцип был прост. Вас пускали на вечеринку только в том случае, если на вас было не более двух предметов одежды. Для Билла это был рай. Куча полузамерзших девушек в одних купальниках и Билл со своим аппаратом наперевес, затянутый в лайкровое трико с плотными клиньями в промежности (разумеется, для занятий греблей) и широкополой «федоре», купленной в туристской поездке в Испанию.

– Я – за, – неожиданно сказал Брайан. – Смотрите, что я сегодня купил. – Он задрал свою аккуратную футболку, под которой оказалось нечто похожее на распыленную краску – ярко-синее лайкровое трико. – Видишь ли, я купил это для гребли, – заверил он меня. Незадолго до того его приняли в нашу гребную команду, занявшую второе место, и теперь он каждое утро вставал в шесть часов и шел на тренировку. Псих. Ничего, пройдет. – Широкая одежда стесняет движения, – пояснил он, а Билл энергично и утвердительно затряс головой.

– Еще как стесняет.

Я посмотрела на Мэри, пытаясь понять, что она думает, но она не могла отвести взгляд от мускулистого торса Брайана. Его мышцы выглядели довольно впечатляюще. До этого я как-то не замечала, какая у него прекрасная фигура. Правда, и в спортивном трико мне его видеть не доводилось.

– Погода стоит холодная, – засомневалась я. – Все-таки ноябрь.

– А ты надень самые толстые трусы и шубу, – игриво хмыкнул Брайан.

– Пошли, Лиз, – вдруг стала настаивать Мэри. – Посмеемся.

Я в ужасе посмотрела на Мэри. «Посмеемся»? Никогда прежде Мэри Бэгшот не говорила, что на вечеринках «Два предмета одежды» «можно посмеяться», напротив, она обычно

характеризовала их «жалкими сопливыми потугами развлечься» и «поводом для дебилов и извращенцев вроде Билла показать всем свое вонючее потное трико и позырить на полуголых девиц». А теперь ей, видите ли, интересно знать, можно ли считать обувь предметом одежды. Естественно, нет.

– Если не хочешь – не ходи, – сказал Брайан, пожимая плечами. – Но было бы здорово, если бы ты пошла. Надень свитер и джинсы. Вот тебе и два предмета. И не замерзнешь. Я просто обязан посетить одну из ваших безумных вакханалий до возвращения в Америку. В Штатах такого вообще не бывает: у нас чуть что – могут обвинить в сексуальном домогательстве…

– А не будет домогательства – считай вечеринка прошла впустую, – бесстрашно заявила Мэри. Да она еще и кокетничает. Нет, ей точно надо было вправить мозги.

– Ну, не знаю, – пробормотала я. До того вся эта идея казалась мне постыдной, детской и мучительной для незагорелых участников. Я к тому времени проучилась в университете достаточно долго и побывала не на одной такой вечеринке, так что совершенно не чувствовала себя обделенной. У меня в голове не укладывалось, что Мэри со мной не согласна. Ее отношение к таким вещам обычно было совершенно категоричным. Разве не она заявляла, что Андреа Дворкин[7] слишком сильно красится? Что с ней случилось?

– Да ладно. Не будь такой душной, – Мэри игриво ущипнула меня. – Вот стукнет тебе пятьдесят, тогда и носи бесформенные джинсы и свитер. А пока можно показывать свое молодое тело, не жирное и дряблое.

Это все и решило. Два слова «жирный» и «дряблый» напомнили мне, что я должна получать удовольствие от жизни, потому что пока еще могу носить обтягивающие джинсы дудочкой для красоты, а не в качестве корсета для двух тумбочек, на которых стоит полторы тонны целлюлита.

– Как же я разденусь, – простонала я. – Я две недели не брила подмышки.

– А мы подождем, – сказала Мэри, чувствуя, что я готова сдаться.

И в результате мы отправились на эту вечеринку «Два предмета одежды» – слава богу, ее организаторы, два парня из команды регби, к нашему приходу напились и едва могли сосчитать, сколько на нас было предметов. Они шлепнули нам на ладони штамп в виде улыбающейся мордочки, что означало, что мы заплатили за вход. Фактически на мне было три предмета одежды. Вы пробовали надеть джинсы, не проложив между ними и телом кусочек хлопковой ткани? Я готова была заплатить штраф за нарушение правил, лишь бы не поцарапаться заклепками.

Мэри, одетая в довольно откровенное платье из лайкры (я думала, она его выкинула, еще когда прочитала «Миф о красоте» Наоми Вулф[8]), а также бейсбольную шапочку Брайана, постоянно хватала меня за руку и спрашивала, не заглядывает ли ей кто под юбку. На самом деле никто бы ничего и не увидел, было так темно, что невозможно было понять, чья это задница вертится перед тобой – мужская или женская.

Мы с Брайаном протиснулись к бару, избегая прикосновений к голым рукам и ногам, которые напоминали мне о каких-то виртуальных дворцах в духе фильмов семидесятых годов. Но Билл чувствовал себя как рыба в воде. Мэри, как ни странно, тоже. Когда мы с Брайаном вернулись, держа в руках скользкие пластиковые стаканы, тонкая ладонь Мэри лежала на волосатом плече Билла, а ее голое бедро скользило по его обтянутой лайкрой ляжке в ритм основной музыкальной теме из фильма «Шафт»! Три минуты спустя они впились друг в друга губами, словно четырнадцатилетние подростки, у которых только что сняли брэкеты.

---

[7] *Андреа Дворкин* – американская феминистка, резко выступающая против порнографии.

[8] *Наоми Вулф* – известная американская феминистка, ярая противница всякого улучшения внешности.

– Ничего себе!

– Вот так сюрприз, – сказал Брайан, когда мы отошли и оставили их наедине. Насколько это возможно в помещении, набитом людьми так, что вот-вот рухнут стены. Брайан тоже удивился, увидев, как Мэри взасос целуется с Биллом, а что было бы, если б он присутствовал при нашем разговоре в супермаркете про сыр и шланги!

– М-м-м. Я и не знала, что у них такая страсть, – ответила я. – Послушать их, так можно подумать, что каждый из них считает другого просто уродом.

– Да, – согласился Брайан, – но так ведь часто бывает. Люди, которых подсознательно влечет к кому-то, часто защищают себя от возможного разочарования и отказа, стараясь показать, что терпеть не могут этого человека. Очевидно, они без ума друг от друга. Готов побиться об заклад: сегодняшний вечер станет началом долгого и страстного романа.

– Да что ты! У них просто крыша поехала, – уверенно сказала я, хотя Мэри к этому времени уже третью песню подряд исследовала языком пломбы Билла.

– Видимо, ты слишком близко с ними знакома, чтобы заметить, – размышлял Брайан. – Я никогда не говорил тебе, но когда я увидел Мэри и Билла впервые, я почувствовал, что когда-нибудь они будут вместе. Она все время его трогает. Ты не обратила внимание? Так, чуть прикасается. Но это явный признак влечения.

– Ты так действительно считаешь? – спросила я, наморщив в сомнении нос. Но, подумав, вспомнила, что Мэри действительно все время трогала Билла. Но насколько я помнила, эти легкие касания носили характер энергичных и злобных тычков.

– Да, они совершенно потеряли голову, – заключил Брайан.

– А откуда ты все это знаешь? – спросила я его.

– Чего только не узнаешь от старших сестер. Было время, когда я угадывал начало романа, по крайней мере, недели за две до самих его участников.

За разговором мы прошли обшарпанное фойе студенческого клуба, вечно вонявшее рвотой и пивом, и вышли из здания, где проходила вечеринка.

– За две недели до начала романа? – размышляла я. – Хотела бы я так уметь. Иногда это бывает очень кстати.

– Что ж, – сказал Брайан и обнял меня за плечи, что я расценила как дружеский жест. – Не так это мне и помогло. Видишь ли, умение предсказать неизбежность романа несколько напоминает предсказание будущего. Ты же знаешь, что ясновидящие не в силах предсказать будущее себе.

– Я не знала этого, – призналась я.

– А это так. Нельзя использовать дар для себя. Только для блага других. Таков закон Вселенной. Я был уверен, что в тот момент, когда Билл наберется храбрости, он с удивлением увидит, что ему отвечают взаимностью. Но когда речь идет обо мне самом… – он пожал плечами. – Когда мне кажется, что я встретил человека, который мне действительно нравится и я хочу быть с ним, – я вижу все, что происходит, но никоим образом не представляю себе, чувствует ли этот человек по отношению ко мне нечто подобное.

Мы присели на низкий парапет, ограждающий клуб, и стали рассуждать о таинствах мира. Правда, потом нам пришлось уйти, так как мы обнаружили, что одна из парочек с вечеринки устроилась на траве прямо у нас за спиной, явно намереваясь поближе узнать друг друга. Неудивительно, что местные налогоплательщики так не любят студентов.

– Я сгорал от желания, но понятия не имел, примут ли мои ухаживания или отвергнут, – продолжал Брайан под энергичные вздохи и стоны любовной парочки. Внезапно он обернулся ко мне; его сильная рука по-прежнему обнимала меня за плечи, и мне от этого было хорошо и уютно.

– Положение в общем хреновое, – нервно засмеялась я.

– Да?

– Угу, – буркнула я. – Конечно. Хреновое.

Я что-то пробормотала. Захихикала. Я была в состоянии, близком к истерике. Брайан смотрел на меня очень странно. Клеит он меня, что ли, спросила я себя? Да нет. С чего бы вдруг. Это же я, Лиза Джордан. Неужели я могу ему понравиться. Грудь размером с небольшую бородавку. Для него это не вариант. У меня сжалось сердце, и я приготовилась выслушать, что ему на самом деле нравится Джемима из Мэриного класса по нейрофизиологии и что он попросит меня их познакомить.

– Думаю, придется нырнуть в омут с головой, – пробормотал он. – Интересно, оттолкнет она меня или нет? Не знаю. Надеюсь, не оттолкнет.

Его лицо было так близко от меня, что контуры расплывались, и мне пришлось опустить веки во избежание косоглазия. Но прежде чем я успела закрыть глаза, я почувствовала, как его мягкие губы коснулись моих губ. Господитыбожемой! Он поцеловал меня. *Меня*. Так, значит, это он про меня все говорил!

– Бра-а-а…

Но он не перестал целовать меня.

Колокола зазвонили, прибой обрушился на берег! Хор ангелов запел у меня в голове. Стадо диких зверей пронеслось по пищеводу и вытоптало живущих там бабочек.

Обнимавшая меня рука как-то сама собой сползла ко мне на талию и перетянула меня на обтянутые блестящей лайкрой колени. Я расслабилась и почувствовала, что его язык скользнул в рот. Рука Брайна осторожно залезла под свитер и обняла мое дрожащее тело. Я пыталась проникнуть под трико, но не нашла дорогу, так что выяснить, растут ли у него волосы на спине, удалось только у меня в комнате. К счастью, оказалось, что не растут.

Не помню, как мы тогда вернулись в колледж. Мы все время целовались, и я не видела, по какой дороге мы шли. Каким-то образом мы оказались в моей комнате, и хотя моя кровать с матрасом для пыток, чьи сломанные пружины обычно впивались мне в почки, для двоих была тесновата, – для нас с Брайаном окружающего мира не существовало, даже когда назавтра в восемь утра Мэри стала колотиться в мою дверь…

– Лиза! – орала она. – Лиз! Открывай, быстро. Что я наделала! Я правда натворила что-то ужасное! Мне очень плохо!

– Ну сходи и исповедуйся! – крикнул Брайан, прежде чем я успела заткнуть ему рот.

Наступила страшная, гнетущая тишина, и я представила себе ее реакцию на незнакомый мужской голос, раздавшийся из моей комнаты.

– У тебя кто-то есть? – закричала Мэри на максимальном уровне громкости. Я представила, как она вдавливает глаз в замочную скважину. Слава богу, в моей двери замочной скважины не было, потому что у нас в комнатах установили новую систему магнитных ключей, и она никогда не работала.

– Кто там у тебя, Лиз? Мужчина? Это что, Брайан?

– Он самый, – подтвердил Брайан, в отличие от меня не понимавший, что ему самое время молча вылезти в окно и ждать на бетонном балкончике, когда можно будет вернуться назад, чтобы я тем временем смогла открыть Мэри дверь и доказать ей, что в моей кровати нет абсолютно никого. Вот вам его хваленая психологическая чуткость и умение угадывать чувства других людей.

– Впусти меня! – потребовала Мэри. Она была на грани истерики. – Впусти меня немедленно, Лиза Джордан.

– Сначала нам надо одеться, – ответил Брайан, закладывая меня все больше и больше. Я тем временем прыгала по комнате, хватая наугад раскиданные лифчики, трусы и носки и распихивая их по углам. В какой-то момент на мне оказалось две пары трусов. Брайану

достаточно было натянуть одно свое дурацкое трико, поэтому он оделся мгновенно и распахнул перед Мэри дверь, когда я еще только вдела одну ногу в джинсы.

– Привет, Мэри.

– Невероятно! – заорала она, застукав меня на месте преступления. – Просто невероятно! Как ты могла?

С этими словами она бросилась вниз по лестнице, не дожидаясь ответа.

– Что это с ней? – спросил Брайан.

Мэри избегала меня весь остаток дня. И выяснилось, как я и предполагала, что Билла она избегает тоже. Вот вам и теория Брайана о глубокой и потаенной страсти. По мнению Мэри, если долго сдерживаемая ею страсть к ВелоБиллу нефтяным фонтаном прорвала лед холодного презрения, надо подойти и заткнуть дырку пальцем, чтобы не пролилось слишком много. Позже она рассказала мне, как она заорала, увидев растущие на спине Билла волосы, а ведь я неоднократно предупреждала ее, что именно находится под лайкровым трико.

– А ты все это время спала с Брайаном, – сказала она с укором, когда мы все-таки встретились в очереди к шашлычному фургону. – После всего, о чем мы договорились в чипсовой лавке, у тебя с Брайаном была БСЛ.

БСЛ. Безумная страстная любовь. Практически так оно и было. Я краснела при одном воспоминании.

– Но знаешь… – и я попыталась изложить ей теорию Брайана об их страстном желании быть вместе с Биллом и конечном обретении истинной любви. Разве мы не упоминали об этом при заключении договора в чипсовой лавке, разве не оправдывал мое поведение тот факт, что Мэри нашла истинную любовь первой?

– Истинная любовь? С Биллом? Ради бога, Лиз, да я просто нажралась, – фыркнула она. – И тебе полагалось остановить меня. Если б ты была настоящей подругой.

– Я не сразу поняла, – оправдывалась я. – Клянусь тебе, мне до последней минуты и в голову не приходило, что Брайан за мной ухаживает. Я пыталась его остановить. Ну хорошо, не пыталась, – призналась я. – Но честное слово, инициатива была не моя.

– Ладно, забудем, – подытожила Мэри. – Ясно, что Брайан тебя хотел. Он тебя хотел с самого начала. И дело даже не в этом, – быстро добавила она. – Не то чтобы я ревновала *тебя* к Брайану, Лиза. Меня просто смущает вся эта история с Биллом, и грустно, что наша веселая компания теперь распалась. Все погибло.

– Что погибло? Почему распалась? Мы по-прежнему можем встречаться. Мы с тобой, Билл и Брайан. Мы останемся друзьями.

– Нет, не останемся, потому что Билл видел меня голой. Баланс нарушился, Лиза.

Так оно и вышло. Хотя тогда я действительно этого не заметила.

Вечером мы снова сидели в баре, так же как накануне, до драматических событий вечера, который вошел в историю под названием «Два предмета одежды». Мэри сидела рядом с Биллом, я сидела с Брайаном. Разница была лишь в том, что, когда одноглазый бармен Джим объявил о закрытии бара, Брайан пошел ко мне и мы провели ночь в безумной страстной любви.

До встречи с Брайаном я по-настоящему не понимала, что все так носятся с этим сексом. Мой опыт в этом популярном международном виде спорта ограничивался редкими и неловкими перепихами на пьяную голову. Даже во время длительных (почти три месяца) отношений, которые у меня были за год до Брайана с одним довольно смазливым парнем по имени Джеймс, все равно получалось, что нам сперва надо набухаться, а потом дело доходит до секса. И делать все надо, выключив свет (на этом настаивала не я). И мне категорически *запрещалось* открывать глаза, пока он *это* со мной делал, а лежать полагалось абсолютно

спокойно, не трогая его, если *он* специально об этом не попросит. Позднее сарафанное радио колледжа донесло, что это было отличительной чертой всех выпускников одной знаменитой частной школы.

С таким опытом за плечами неудивительно, что я, в числе немногих, разделяла мнение бедняги Боя Джорджа и Морисси о том, что чашка чая, пожалуй, лучше ночи, проведенной за горизонтальной аэробикой. Брайан изменил все в корне. Он включил меня, нащупал те кнопки, которые ранее я считала неработающими. От его безусловного восхищения моим телом всю мою зажатость, неотъемлемую и выношенную, как целлюлит, словно сдуло ветром.

Я и представить не могла, что даже тогда, когда я не лежу в постели с моим заокеанским любовником, воспоминания о сексе могут быть так сексуальны. Я спрашивала себя, видят ли другие эту аварийную сигнализацию, что не выключалась во мне часами после ночи с Брайаном. Неужели они не замечают, что я выхожу из лекционного зала другой походкой? (Я имею в виду, что теперь я ступала горделиво, плавно покачиваясь, а не хромала так, словно мне где-то что-то трет.)

Единственное, о чем я жалела, это только о том, что ничего нельзя рассказать Мэри. До событий с Биллом и Брайаном на вечеринке «Два предмета одежды» у нас не было ничего, о чем мы не могли бы сказать друг другу. Мы делились всеми секретами. Мы рассказывали самые беззастенчивые подробности. Кто, как, *чем пахло*. Честно говоря, мы вели себя просто мерзко. Но теперь я чувствовала, что она не поймет меня, если я вломлюсь к ней и стану расписывать свою замечательную новую любовь. Ее собственная любовь на тот момент кипела не так бурно.

После эпизода с Биллом и обещания сразу по окончании университета уйти в монастырь, Мэри отдала свое сердце аспиранту по имени Ральф, который носил по пять серег в каждом ухе, сапфир в носу и татуировку дельфина на заднице (по слухам). Ральфа назначили куратором Мэри на время проведения уникальных жестоких опытов, которые составляли часть ее дипломной работы по психологии.

Идея состояла в том, чтобы молодой и трусливый Ральф стимулировал ее интерес к выбранной теме (дети и их боязнь пауков, сообщила она мне, зевая), но практически качество ее работы резко падало, а она часами напролет тщетно гадала, нет ли у аспиранта в придачу к проколотому языку еще и «принца Альберта» (Мэри действительно слегка сдвинулась на теме крайней плоти). Я так и не поняла, хотела она, чтобы его пенис был украшен шариками, или не хотела. Вряд ли ей предстоит узнать это в ближайшем будущем: все попытки затащить его на ночь в лабораторию провалились, и мне не хотелось злить ее радостными рассказами о своей безмятежной любви.

Мы продолжали встречаться вчетвером: Билл, Брайан, Мэри и я. И хотя нам уже не было так радостно и легко, как прежде, ибо теперь любая сказанная Биллом double entendre[9] принималась Мэри на свой счет, все равно дела обстояли неплохо. Да меня это и не слишком беспокоило, потому что наши отношения с Брайаном становились все теснее. Я чувствовала, что нарушаю пакт, заключенный с Мэри в чипсовой лавке, но надеялась, что она поймет. Она сама сказала, что понимает, – к тому времени наша «ночь» с Брайаном длилась уже больше трех месяцев.

– Теперь-то это дело прошлое, – сказала она. – Я и сама подумывала закрутить роман с Брайаном, но он с тобой стал такой тряпкой, что я поняла: мне быстро надоест его привязчивость.

Вот и славно. Вряд ли это можно назвать комплиментом в полном смысле слова, но ясно было, что таким образом моему роману дан зеленый свет.

---

[9] Двусмысленность (*фр.*).

Глава пятая

Мы замечательно провели вместе зимне-весенний семестр, но по мере приближения лета тихие вечера, когда мы с Брайаном просто сидели вдвоем и читали скучные учебники, приобрели оттенок меланхолии.

В конце весеннего семестра я пыталась не реагировать на то, что Брайан набрал на моем компьютере свою крайне увлекательную автобиографию и разослал ее в разные американские компании в поисках работы на большие каникулы. Я убедила его разослать запросы и в лондонские компании, чтобы был хотя бы слабый шанс провести лето вместе. Он это сделал. Но в конце концов наиболее интересную стажировку предложила именно американская компания, не говоря уже об оплате билета домой для вступления в должность.

За шесть дней до отъезда Брайана в Штаты я нашла рядом с его кроватью блокнот с номером рейса и временем отправления и неожиданно узнала точный момент, когда он улетит от меня. Конечно, его возвращение в Америку не обязательно означало, что я никогда не увижу его, но это означало, что наше «мы» кончилось, когда я начинала думать о нас. Это-то уж я понимала. Я не была настолько глупа. Когда-то давно мы уже говорили об этом с Брайаном. Как трудно поддерживать отношения на расстоянии, особенно когда оба так молоды и каждому еще столько предстоит сделать в своей стране. Но тогда во время разговора я не предполагала, что наша связь продлится так долго и этот вопрос действительно встанет перед нами.

За неделю до возвращения Брайана в США мы с ним арендовали автомобиль и уехали на день из Оксфорда. Мы фотографировали друг друга на фоне дворца Бленхейма. Брайан уверял меня, что однажды он вернется и купит его. Мы обедали в дубовой чайной. Брайан купил для своей мамы модель домика из тростника. Она обожает английские штучки, сказал он, а позднее обнаружил, что домик сделан из фарфора и в Китае. Мы ураганом пронеслись по деревушкам Котсволда. Ураганом, который можно себе позволить в «Рено Клио», застрявшем между комбайном и отарой овец.

А день мы завершили на Роллрайтстоунз. Билл, Мэри и я обнаружили этот малоизвестный круг из камней еще на первом курсе. Мэри увидела на карте точку, помеченную кружком, и решила, что нам нужно как-нибудь в воскресенье устроить там духовный пикник. Мы взяли бутерброды с ореховым маслом и бананами и выехали из колледжа на разбитом «Мини Купере» Билла. Мэри была штурманом, и поэтому мы сразу же заблудились. Билл сказал, что это не важно, потому что он может ориентироваться по линиям местных лугов.

– Я чувствую камни, – уверял он нас. – Я просто доверюсь своему инстинкту, и мы будем там вовремя.

Кончилось тем, что мы проехали двадцать миль в абсолютно противоположном направлении.

Потом мы с Брайаном отправились туда вдвоем. Мы приехали в Роллрайтстоунз, когда солнце уже начинало садиться. Сначала мы почтительно обошли их (что-то было в нас туристское в тот день), а я рассказывала ему легенду о камнях, которые невозможно сосчитать. Мы трижды пересчитали, и трижды у нас получались разные результаты. Я рассказала о том, как мы ездили в Роллрайтстоунз с Биллом и Мэри. Когда мы нашли это место, началась гроза. Мы восприняли это как небесное знамение и вымокли до нитки, вместо того чтобы остаться сидеть в машине.

– Я чувствую, как дух камней смывает с меня все дурное, – сказала тогда Мэри.

Когда мы возвращались в Оксфорд, мы были мокрыми до трусов, и японские туристы фотографировали нас из своего автобуса.

– Похоже, это была интересная поездка, – сказал он.

Я не могла сказать, что мне с ним вдвоем здесь интереснее. Мы еще раз попытались пересчитать камни. Потом выбрали камень поудобнее и сели на него, чтобы посмотреть на солнце, садящееся за холмы. Брайан взял мою руку, поднес к губам и поцеловал.

– Мне всегда интересно с тобой, – пробормотал он.

Я чуть не разревелась. Закат неожиданно стал означать для меня гораздо больше, чем просто конец одного июльского дня.

– Я люблю тебя, – сказала я. Это было единственное, что я смогла произнести.

– Я знаю, – ответил Брайан. Он не сказал, что тоже любит меня, но я приняла его ответ как «тоже» и крепко сжала его руку. – Но ты знаешь, как сложно нам будет сохранить любовь, когда я вернусь в Штаты, – продолжил он. – А мне надо вернуться.

Мы помолчали.

– Но ты ведь еще можешь передумать и поискать работу в Лондоне? – попыталась возразить я. – В Лондоне тоже есть крупные банки. Наверняка у банка, в котором ты собираешься работать, есть здесь какой-нибудь филиал. Они же могут оформить перевод? И сэкономили бы на билете в Америку.

– Лондон – это не Нью-Йорк, Лиза. Там моя семья. Ты же знаешь, как я люблю свою семью. Ты же знаешь, как я здесь по ней скучаю.

– Я тоже люблю свою семью, но я бы пулей полетела в Нью-Йорк. Если бы кто-нибудь мне предложил, – намекнула я.

– Мы должны получить свои дипломы, – сказал он, явно опуская вариант приглашения.

– Ты думаешь, – спросила тогда я, – что если бы мы встретились, закончив университеты, и нам было бы, скажем, двадцать пять или тридцать, а не двадцать один, как сейчас… Думаешь, у нас все могло бы быть хорошо?

– У нас и так все было хорошо, – твердо сказал он. – Я до конца жизни запомню этот особенный год с тобой. – Его пальцы сжали мою руку.

Я попыталась улыбнуться, но у меня в глазах щипало от сдерживаемых слез. Жизнь казалось такой несправедливой, но вместе с тем и удивительно романтичной. Нас разлучали силы, которые были сильнее нас. Мы молча сидели, пока не скрылось солнце, потом, не размыкая рук, встали и молча пошли к машине.

Когда мы легли в постель, я чувствовала себя, как шекспировская Джульетта, которая может пробыть с Ромео только до рассвета и знает, что ее любовь, зажатая в короткий промежуток ночи, – на всю жизнь. У нас с Брайаном до последнего «прощай» оставалась еще неделя, но тот закат был началом финального акта.

В тот день, когда Брайан наконец улетел в Америку, я не поехала с ним в аэропорт. Он спросил, поеду ли я, но я и в лучшие времена не выносила прощаний. В том, что люди машут рукой, прощаясь на вокзале или в аэропорту, есть что-то слишком демонстративное, словно они искушают богов не допустить возвращения. А я хотела, чтобы Брайан вернулся. Я хотела этого больше всего на свете. Я отдала бы всю свою оставшуюся жизнь за еще один год с ним.

По крайней мере сутки прошли с того момента, как я закрыла дверь за его удаляющейся, поникшей фигурой, а я все ожидала услышать стук в дверь и увидеть его в коридоре с букетом цветов в руке и с намерением сказать мне, что он понял, как он любит меня, и просто не может уехать. Ни за что! Как он мог даже пытаться это сделать?

Но никакого стука не было. Не было до тех пор, пока в шесть часов не зашла Мэри и не спросила, что это меня не видно целый день и не пойду ли я с ней к шашлычному фургону. На следующий день она уезжала домой и сказала, что на этот раз ждет возвращения в Лондон с нетерпением. На вечеринке в честь окончания семестра аспирант с кольцом в языке отверг ее заигрывания, и она видеть его больше не хотела. Билл уже уехал на каникулы. В то время

он уже катался на велосипеде по Гималаям. Садоводческие районы остались позади, как пройденный этап.

У меня были неясные планы задержаться в колледже и доделать кое-какие курсовые работы (я ни черта не делала весь год – любовь занимала много времени), но перспектива вдруг остаться в колледже одной как-то не прельщала. Хотя мои друзья разъезжались по домам и некому было больше меня отвлекать, я знала, что вместо работы в библиотеке я буду сидеть, уставившись в никуда, и вспоминать, как я сидела неделю или две назад на том же месте, только вместе с Брайаном, как подсовывала ему дурацкие сентиментальные записочки, мешая разбираться в скучной статье по экономике, как трогала его коленку под столом и как потом тайком целовалась с ним в библиотечном туалете. Я поняла, что жить с такими воспоминаниями мне будет тяжеловато. И тоже решила уехать из колледжа.

Я набросила куртку и, даже не причесавшись, спустилась за Мэри в столовую. Я знала, что выгляжу жутко, и мне не хотелось ни о чем говорить, но Мэри, казалось, ничего не замечала. Она непрерывно болтала о своих планах на каникулы, которые включали серьезную диету, должную чудесным образом превратить ее в супермодель и заставить дурака-аспиранта жалеть о том дне, когда он отказался поцеловать ее своим противным пирсингованным языком.

– Следующий год будет отличным, – сказала Мэри с нехарактерным для нее оптимизмом. – Знаешь, я подумываю сразу по возвращении в Лондон сделать себе пирсинг на пупке.

– Брайана в следующем году не будет, – тихо сказала я. За последние полчаса это были мои первые слова.

– Да, конечно, – сухо сказала она. – Жаль, что ему пришлось вернуться домой, но жизнь продолжается, Лиза. Может, на следующий год ты не будешь так пренебрегать старыми друзьями.

– Прости, пожалуйста, если тебе так показалось, – удивилась я.

– Да ничего, – тихо сказала она. Может, она сочла, что была чересчур резка. Она обняла меня за плечи и легонько прижала к себе. – Я знаю, что такое любовь.

Я кивнула и подумала, что она, кажется, слегка переоценивает свои чувства к аспиранту Ральфу, – но все равно испытала к ней благодарность за сочувствие.

Глава шестая

Я провела летние каникулы, работая на той же фабрике по шлифовке линз, что и в прошлом году. Помимо смены сезонных рабочих – таких же несчастных студентов, как и я, которые никуда не смогли уехать на лето, – персонал фабрики «Линзы Гревилля» не изменился. Фактически на фабрике ничего не изменилось. Буфетчица Айрин даже вспомнила, какой именно кофе я любила пить.

– Ну, как прошел год в университете, неплохо? – спросила она. – Не похоже, чтоб ты перетрудилась.

Она говорила это каждый раз, когда меня видела. Два раза в день. И так ежедневно. Знала бы ты, грустно думала я, слоняясь по офису, – как много нового я узнала с тех пор, как в последний раз бегала с планшетом по этой вонючей, грохочущей фабрике. Теперь я совершенно другой человек. Теперь мне вовсе не доставляет удовольствия гробить жизнь, выписывая цифры на фабрике, где окна замазаны белым, чтобы запертые внутри люди не видели окружающего мира и не задумывались о том, как их сюда занесло. На самом деле мне и раньше тут не больно нравилось, но теперь стало значительно хуже.

Я проводила дни как в трансе, стараясь отгородиться от реальности этих каникул в аду. Когда раздавался звонок, означавший, что наступило пять и пора складывать инструменты, я старалась не думать о том, что в Нью-Йорке Брайан, который отстает от меня на пять часов, возможно, в этот самый момент идет обедать со своим высокопоставленным боссом. Когда я шатаясь плелась домой из вонючего паба, где ежевечерне надиралась вдвоем с припанкованной Полой, которая зарабатывала на фабрике на курс теологии и танцев, я еще сильнее старалась не думать о Брайане, который в это время шел развлекаться с новыми друзьями, – и я с ужасом чувствовала, что мне с ними познакомиться уже не доведется. Мы жили в разных мирах, он был на другом свете – в прямом и переносном смысле.

В сентябре мы с Мэри и Биллом вернулись на последний курс колледжа. Как мы и предполагали, преподаватели сообщили, что нам придется еще больше заниматься в этот последний год, чтобы сдать крайне важные экзамены, которые определят всю нашу оставшуюся жизнь. Началась суета с поиском работы. Моя почтовая ячейка уже была забита рекламами разных бухгалтерских компаний, жаждущих принять на работу лучших выпускников университетов в обмен на крошечную зарплату и бесплатную шариковую ручку. Жилые комнаты у выпускников были больше, чтобы мы могли разместить там бесчисленное количество книг. Новички-первокурсники ходили по двору и сообщали друг другу результаты экзаменов.

– Теперь мы динозавры, – заметила Мэри, когда мы с ней увидели двух первокурсников, с волнением готовящихся к первому обеду в колледже (еще успеют привыкнуть – ценой расстройства желудка). *Динозавры*. Так мы называли третьекурсников, когда появились здесь впервые. Билл теперь даже выглядел, как динозавр. Он летом ездил по горам на велосипеде и загорел так, что стал похож на мумию, а в кишечнике у него поселился какой-то глист и, видимо, ел его изнутри, потому что Билл мог съесть тонну шоколада и не поправиться. Мэри завидовала ему черной завистью (она решила не делать пирсинг пупка, пока не скинет пару килограммов, хотя это скорее объяснялось тем, что с аспирантом Ральфом на каникулах приключилось нервное расстройство и он подался в буддийский монастырь).

В колледж приехали новые американцы. Еще одна группа студентов-экономистов из того же колледжа, что и Брайан, теперь бродила по старинным залам, к которым я так привыкла, и иногда они роняли что-то типа «как необычно», стукаясь головой о низкие дубовые балки. Я не могла не заинтересоваться ими. Я даже вылезла из своего коридора и спросила одну девушку, не помочь ли ей устроиться в комнате. Ее звали Меган Сандерсон. Она тоже

жила в Нью-Йорке. У нее был знакомый приятный акцент и стоматологически безупречная улыбка шириной с милю. Не знает ли она случайно Брайана Корена? Нет, не знает. «Нью-Йорк большой», – засмеялась она. После этого я забыла про нее, и она быстро нашла новых друзей.

Вернувшись домой, Брайан писал не меньше двух раз в неделю, и дважды в неделю я ему отвечала. Я уже не знаю, кто был первым, но через три недели после начала первого семестра я вдруг поймала себя на том, что уже целую неделю не писала Брайану. Я была занята. Я стала встречаться с другим парнем.

Фил ни в чем не походил на Брайана. Он был высокого роста (Брайан был чуть выше меня). Он был блондином, Брайан брюнетом. Фил играл в команде колледжа по регби. Брайана интересовали только игры в спортивных залах. С учетом всего этого, я думаю, вы, возможно, понимаете, почему, увидев Фила, я подумала, что неплохо бы с ним развеяться и изгнать из памяти горькие воспоминания о главной любви моей жизни (на тот момент). Мэри стала встречаться с его лучшим другом, то есть выходило, что мы можем дружить вчетвером. Надо признаться, Билл и Мэри с того самого случая на вечеринке «Два предмета одежды» больше не встречались. Билл теперь болтался с группой ребят, которые собирались еще до диплома застолбить какую-нибудь работу в Пентагоне.

По иронии судьбы я познакомилась с Филом на еще одной вечеринке «Два предмета одежды». На нем были шорты из лайкры и бабочка в красный горошек. На мне были фланелевый пижамный комбинезон, специально заготовленный на случай вечеринки, и шляпа с кисточкой, поэтому напитки мне выдавали бесплатно. Если бы нас с Филом не поили бесплатно, вообще бы никакого романа не случилось. Я знала, что выгляжу не слишком сексуально в дебильной пижаме с кроликом на кармашке. Но и он не тянул на соблазнителя, выблевав шесть пинт пива в корзину для бумаг как раз после моего прихода, – но я твердо помнила совет Мэри. Мне необходимо было отвлечься от Брайана, а она уверяла, что от разбитого сердца лучше всего лечит охота на свежую дичь. Поэтому я заклеила Фила на выходе из туалета и таким образом открыла самый печальный период в своей любовной жизни.

Он был милым. Он был щедрым. Но газеты покупал только ради спорта и комиксов, а наши интеллектуальные беседы сводились к вариациям на тему «А если на нейтральной территории встретятся африканский лев и белый медведь, то кто кого переборет?». Неудивительно, что мне по-прежнему чего-то недоставало. Пустое место, оставленное Брайаном, нельзя было заполнить любым другим теплокровным животным.

Тем удивительней, что когда Фил через два семестра все же положил конец нашему альянсу, моя реакция была очень бурной. Я рыдала неделю подряд, а последующие две недели вылезала из постели только в столовую за каким-нибудь сливочным кексом, а потом больше месяца отлавливала Фила на матчах по регби, на обеде или когда он вылезал из укрытия в поисках чужого курсовика – для списывания.

Фил говорил всем, что я психопатка, хотя я думаю, что в глубине души ему льстила моя сверхэмоциональная реакция на его уход. Мои друзья недоумевали.

– Он же пещерный человек, – твердила мне Мэри. Ей уже осточертело видеть, как я ежевечерне рыдаю у нее под дверью в надежде, что вдруг ее приятель Джон передаст ей какие-нибудь слова Фила обо мне.

– Он сказал, что тебе точно пора в психушку, – сказала она мне однажды вечером.

– Значит, он беспокоится обо мне, – перевела я, – его так волнует мое психическое здоровье, что он хочет отправить меня в больницу, даже против моей воли.

– Я думаю, что его больше волнуют твои бесконечные стоны у него под дверью, которые мешают ему заниматься, – сухо сказала Мэри. – Знаешь, Лиза, я просто не понимаю, что творится у тебя в голове. Пока вы были вместе, ты все время жаловалась, что он дремучий.

Едва он начинал говорить, тебя клонило в сон. А помнишь, ты сказала, что он думает, что петтинг – это один из приемов игры в гольф?

– Он очень чуткий, – возражала я. – Он сказал мне, что я из тех девушек, которые любят клиторальную стимуляцию.

– Все любят клиторальную стимуляцию, – вздохнула Мэри. – А он сам-то ее делал? Послушай, пока вы были вместе, ты все время была недовольна. А теперь, когда он тебя бросил, ты изображаешь роковое влечение.

– Я не способна обидеть живое существо, – возразила я, вспомнив кролика из фильма.

– Ну и в чем дело? Что с тобой происходит?

– Наверно, я люблю его.

– Ерунда. С Брайаном тебе было гораздо лучше, но когда он уехал, ты же не рыдала все время.

Слова Мэри влетали мне в одно ухо, а в другое вылетали. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что когда Фил бросил меня, я раскисла не потому, что он меня бросил, а потому, что это разбередило рану, оставленную отъездом в Штаты Брайана. Я оплакивала не Фила, а потерю Брайана. И еще я думаю, что мне нравилось романтическое ощущение несчастной и брошенной девушки, особенно во время подготовки к диплому, который был реальным проклятьем студенческой жизни.

Понятно, что к экзаменам я не готовилась. Накануне первого экзамена я не корпела над дипломом по английской литературе Средних веков, сидя вместе с другими студентами в библиотеке, а стояла на окне четвертого этажа в комнате Фила и грозила выброситься на Хай-стрит, если он не вернется ко мне. Бóльшую часть курсовых я не сдала, но каким-то чудом их не сдало большинство студентов моего курса (видимо, у нас был очень слабый курс), поэтому хоть и с посредственными отметками, а колледж я кое-как закончила. А могла бы ту-ту. На что часто намекал Билл, поминая в моем присутствии архиепископа.

– Десмонд Туту[10], улавливаешь? – дразнил он меня.

Я улавливала.

В последний раз я видела Фила, когда нам объявляли результаты. Он заставил меня так страдать (или в то время я так считала), а сам сдал экзамены лучше меня.

В следующий раз, когда я получила новости от Брайана, он тоже защитил диплом (одним из лучших, *naturellement*[11]) и согласился на скромную должность (по его собственному скромному признанию) в одном нью-йоркском отделении японского банка. Тем временем я вернулась прямиком домой в Солихалл и прожила полгода под присмотром родителей, «приходя в себя» и решая, что же мне делать с жизнью. Вернее сказать, что мне можно делать при таких плохих отметках по английской литературе. Может, учить других? – как саркастически предлагал мне мой руководитель. Может, и стоило воспользоваться его советом, но я не могла заставить себя заполнить хотя бы одно заявление о приеме на работу. Каждый вечер, ложась спать, я давала себе честное слово прямо с утра заняться поисками работы. И каждое утро я хлопала по будильнику, чтобы поспать еще полчасика, а потом еще полчасика, и так до одиннадцати, чтобы успеть ровно к началу дневного телесериала «Ричард и Джуди», а также одеться к приходу родителей.

На Рождество Брайан написал мне, что получил в банке повышение и солидную прибавку к зарплате. Родители предупредили меня, что если я и в следующем году не найду работу (хоть какую-нибудь), то не исключено, что в картонные коробки из-под рождественских подарков мне придется укладывать свои монатки.

---

[10] *Десмонд Туту* – южноафриканский архиепископ, лауреат Нобелевской премии мира 1984 г.

[11] Естественно (*фр.*).

В январе Брайан писал мне о покупке замечательной квартиры в модном нью-йоркском районе Сохо. Что касается меня, то, исчерпав гостеприимство родителей, я сложила вещи в армейский рюкзак и переехала в грязный сквот в не очень модном лондонском Ист-Энде, где всем было плевать, работаю я или нет, лишь бы забить хороший косячок. Я по-прежнему вставала в одиннадцать, по-прежнему смотрела сериал, зато теперь я в некоторые дни не одевалась совсем.

Иногда мне звонили бывшие друзья по колледжу. Обычно это выливалось в полчаса мучений, выслушивание вестей о будущей карьере и обещаний обязательно «как-нибудь вместе поужинать». Казалось, все, кроме меня, подались в бухгалтеры. Я убеждала себя, что они просто продают себя, мое же призвание – след в жизни. Я уговаривала себя, что живу творческой жизнью, что выражалось в придумывании должностей, которые я бы хотела занимать, и указывании их на бланках, которые я заполняла дважды в неделю для получения пособия по безработице.

Через год после окончания колледжа под началом Брайана уже трудились шесть человек. Я же нашла временную работу секретарши на упаковочной фабрике в Ист-Энде: вела архивные папки и печатала письма для семи разных сотрудников (шестеро из которых были гораздо моложе меня и, скорее всего, гораздо тупее). В хорошие дни мне удавалось по часу отсиживаться в туалете. Может, поэтому мои сослуживцы ни разу не пригласили меня с собой в паб.

Через два года Брайан уже руководил коллективом из четырнадцати сотрудников, и будни его заполнялись перелетами между нью-йоркскими и лос-анджелесскими офисами банка. Я все же покинула сквот (особого выбора мне не оставалось. Как-то мы с другими жильцами вернулись из клуба домой и увидели, что владелец выкинул наши пожитки на лужайку перед домом и устроил большой костер), хотя квартира, которую я теперь официально снимала, могла бы поспорить со сквотом по уровню грязи и запущенности, а новые соседи – Сима-Чума и Толстый Джо (он, между прочим, именно так сам и представился) были самыми странными людьми, которых я когда-либо встречала.

Зато я больше не работала секретаршей на упаковочной фабрике – они попросили агентство заменить меня на веселую австралийку, – им, видите ли, *не нравилось мое отношение к работе* (а может, постоянные монологи о том, как лучше всего покончить жизнь самоубийством при помощи канцелярских принадлежностей, навели их на мысль о том, что мне пора отдохнуть). Я пыталась выглядеть благодарной, когда агентство по найму дало мне еще один шанс и направило на двухнедельный испытательный срок в агентство по недвижимости «Корбетт и дочь». Я как раз уговаривала себя, что этот временный контракт – огромная удача, когда вонючий кобель хозяйки, Харриет Корбетт, страстно виляя хвостом, оседлал мою ногу. Иной причины, по которой меня благополучно взяли трудиться (хотя и понизив зарплату) на ниве недвижимости, – я не нахожу.

В своих письмах к Брайану я особенно в детали не вдавалась. Описание моей унылой жизни, состоявшей из ввода данных в компьютер и поглощения холодных бобов прямо из жестянки, ограничилось словами: «У меня все в порядке. Много работаю. Только что переехала на новую квартиру». Зачем ему знать, что моя новая комната размером с буфет, что в ванной нет воды и приходится умываться из чайника. Вернее, из кастрюли с водой, нагретой на конфорке, ибо розетка в кухне не работала и невозможно было вскипятить даже чайник.

Каждый раз, отвечая на мое письмо, Брайан просил меня подробно рассказать о моей жизни в Лондоне. Он был уверен, что я занимаюсь чем-то интересным. Я ограничила свою корреспонденцию открытками, на которых хватало места, только чтобы написать (крупно): «Очень занята, нет времени. Извини. Скоро позвоню. Честное слово». С той только поправкой, что я никогда не звонила. Я надеялась, что Брайан не обидится и поймет, что новая ответственная работа отнимает у меня слишком много времени, тем самым не позволяя писать

длинные письма старым друзьям, и сам не перестанет писать письма, которые так много для меня значили.

«Кажется, ты сильно изменилась», – писал он мне в одном особенно милом письме, где четыре страницы заполняли удивительные события и смешные истории из его жизни, рассказанные в ответ на мои пол-открытки полного бреда.

О, да! Я сильно изменилась с тех пор, как мы были румяными студентами колледжа. Я прошла большой путь, и, к сожалению, он уводил меня все дальше от Брайана.

Глава седьмая

Ну, вот. Моя жизнь в Лондоне. Полный бардак.

Дорогой читатель!

Тебе, без сомнения, интересно будет узнать, что после многомесячных бесплодных поисков я наконец нашла отличную сумочку. Какое счастье! Мой источник радости был доставлен как раз к празднованию дня рождения известного дизайнера (и моего личного друга) Себастьяна Карона, которое состоялось в новой закусочной Марко-Пьера Уайта под названием «Тадж-Махал». Я страшно волновалась, не зная, что надеть по этому случаю, но с новой сумочкой все мои проблемы разрешились. Это великолепная вечерняя сумочка из нежнейшей розовой кожи от Гермес. Я заскочила к Александру Маккуинну, чтобы поторопить его с примеркой.

Как вы можете себе представить, вечеринка была классной, хотя новую губную помаду от Шанель, на которую я стояла в списке ожидания с февраля, стерли поцелуями, пока я успела добраться до виновника торжества. Как всегда список гостей Себастьяна напоминал сборник «Кто есть кто» в мире массмедиа. Я застряла в углу с Лиамом Галлахером из группы «Oasis», который спросил меня, не могу ли я найти какую-нибудь работу вроде моей для его очаровательной жены (он чувствует себя в несколько стесненных обстоятельствах с тех пор, как его старший брат Ноэл выступает один). Но мне пришлось ему сказать, что эта работа не только веселье, веселье и веселье. На самом деле мне пришлось рано уйти с этой замечательной вечеринки, потому что утром мне нужно было лететь на Маврикий, чтобы написать для этой самой газеты статью о новом отеле.

В общем, я так торопилась добраться до аэропорта, не нарушая правил движения, что забыла положить крем для загара, и мне пришлось провести весь первый день в тени, пока довольно милый администратор заказывал для меня в Париже мой любимый тип крема. Я ужасно расстроилась, что не смогла провести день на солнце, но потом решила, почему бы мне не остаться бледной и загадочной. Ничуть не хуже. Во всяком случае, похоже, что Джек Николсон именно так и подумал, пригласив меня на ужин в тот вечер…

Я положила газету и достала бутерброды.

Да, не ждет меня сегодня Джек Николсон. Только тунец под майонезом. Опять. Хотя сегодня мой день рождения.

Откусив тонкий ломоть хлеба и капнув майонезом на газету, прямо на фото самодовольной Арабеллы Гилберт, которая вела тошнотворную колонку в «Дейли», я подумала, зачем я мучаюсь, читая это. Каждый раз, когда брала глянцевое приложение, для которого она писала, я испытывала некоторую внутреннюю дрожь от предвкушения, какое, наверно, испытывает наркоман перед тем, как уколоться. Я знала, что мне «не нужно» читать ее колонку. Я знала, что после чтения ее колонки меня не менее часа будет переполнять чувство социальной неадекватности и бесконечного отчаяния. Но похоже, я ничего не могла с собой поделать.

Мне трудно было поверить, что Арабелла и я живем в одном городе. Мне даже было неизвестно, где находятся те места, в которые она ходила: самые модные новые рестораны, частные клубы, где одна только плата за членство превышала мою скудную зарплату. В то время как Арабелла Гилберт потрясала пачкой золотых кредитных карт, я даже в игральные карты никогда не выигрывала.

Я уже готова была погрузиться в глубокую тоску, когда зазвонил телефон. Я прокляла звонящего через заполненный майонезом рот. В конторе я была одна. Моя началь-

ница, Безумная Харриет, несколько обрюзгшая ныне, бывшая светская красавица шестидесятых, ушла делать прическу, готовясь к подпольной встрече со своим женатым любовником Банни. Руперт – оценщик недвижимости и единственный кроме меня служащий агентства по недвижимости «Корбетт и дочь» – воспользовался случаем и отправился по автосалонам с воображаемой пачкой денег (и всего остального, до чего можно добраться через карманы брюк) в руке. Поэтому мне пришлось отменить обед и отвечать на звонки. Как всегда. Я надеялась, что кто-то ошибся номером, а не действительно хотел купить дом, потому что тогда пришлось бы возиться с бумагами, а я совсем не хотела возиться с бумагами, во всяком случае не днем в пятницу. Но я напрасно беспокоилась. Это была Сима – моя соседка по квартире, которая уже неделю не ходила на работу в видеосалон, заболев чем-то вроде цистита, который она заработала, проведя особенно жуткий уик-энд с каким-то морпехом.

– Я что, похожа на твою секретаршу? – раздраженно спросила она, не тратя времени на приветствия вроде «Здравствуй» или «С днем рождения». Она еще спала, когда я утром уходила из дому, хотя и оставила довольно похабную поздравительную открытку рядом с тостером, чтобы я нашла ее за завтраком.

– А?

– Я говорю, я разве похожа на твою секретаршу, Лиза Джордан? Какой-то кретин только что позвонил, а когда я сказала, что тебя нет, он спросил, не твоя ли я секретарша, черт побери? Честно. Нахальство.

Я была удивлена не меньше ее.

– Он назвался?

– А что, нужно было спросить? Но у него был американский акцент, если это тебе что-нибудь говорит. Вроде бы восточное побережье, но я не уверена. Они все звучат для меня одинаково. Во всяком случае, если ты, Элизабет Джордан, будешь говорить, что я твоя секретарша… – начала она снова.

Но я уже была на другой планете. На планете Америка. У человека, который звонил, был американский акцент. Я знала только одного американца, и, если только меня не приглашали на «Шоу Джерри Спрингера» с рассказами о своей несчастной жизни, я довольно хорошо себе представляла, кто это был.

– И купи молока по дороге домой, – продолжала Сима. – Толстый Джо прикончил остатки утром, а теперь говорит, что у него приступ и он не может выйти купить еще. А я совсем не могу выйти. Мне все время нужно быть не далее трех футов от туалета. Я все еще мучаюсь, если тебе вдруг это интересно.

Мне было неинтересно.

– Он сказал, что перезвонит?

– Что? – прервалась Сима.

– Американец, он сказал, что перезвонит, что-то просил передать мне или что? – спросила я в надежде.

– Не знаю. Мне пришлось повесить трубку, потому что я бежала в ванную. Но я уверена, он перезвонит, если это действительно важно. Вообще-то я не знала, что ты знакома с экзотическими иностранцами, – добавила она со слабой искрой интереса.

– Только с одним, – ответила я.

– Да. Ладно, не забудь купить молока по дороге домой. Нежирного. И пакет клюквенного сока, если у тебя есть деньги.

Она повесила трубку.

Я медленно положила трубку и отъехала на стуле от стола. Я знала только одного экзотического иностранца. Это был Брайан. Мне позвонил Брайан.

Неожиданно меня бросило в жар. Я вся горела, будто он только что зашел в комнату. Я оттолкнула остатки бутерброда с тунцом. Мысли об обеде покинули меня, поскольку стран-

ная смесь предчувствий спазматически сжимала мой желудок. Брайан никогда не звонил. Но он позвонил. Хорошая новость или плохая новость? Что он хотел?

* * *

Этим вечером у себя в Балхеме я сидела как на гвоздях в ожидании *звонка*.

Брайан перезвонит. Я знала, что он перезвонит. И каждый раз, когда Толстый Джо или Сима подходили к телефону, я умоляла их сказать мне, долго ли они собираются разговаривать. Когда позвонила Симина мать, я чуть не сказала, что ее любимой единственной дочери нет дома, чтобы освободить телефон для гораздо более важного звонка. Но я не сказала, и они, казалось, говорили вечность, просто чтобы наказать меня за мое нетерпение. Я мерила шагами комнату, закатывала в отчаянии глаза каждый раз, когда Сима безуспешно пыталась закончить разговор с мамой.

– Почему бы тебе просто не позвонить ему? – резонно спросила меня Сима, когда она в конце концов убедила маму, что она: а) хорошо питается и б) да, она тепло одевается, чтобы не замерзнуть в холодную августовскую погоду. Симина мать всегда носила поверх сари два наглухо застегнутых кардигана.

– Потому что у меня уже минус на счету в этом месяце, – ответила я. – Я не могу звонить по межгороду в Америку, и я не могу звонить ему и вешать трубку каждые десять секунд, правда? Мы не разговаривали друг с другом несколько лет. Только письма и электронная почта. Есть масса вещей, о которых нам нужно поговорить. Если он позвонит мне, мы можем говорить всю ночь, и я не буду волноваться об оплате.

– Но мы только что получили счета за телефон, – напомнила мне Сима. – Следующий придет только через три месяца. А к тому времени ты можешь получить кучу денег. Слушай, ты должна позвонить ему. Может, он хочет, чтобы ты слетала в Штаты, оплатит все расходы в качестве подарка на день рождения, а если он не поговорит с тобой сегодня, приглашения может и не быть.

– Ты думаешь да? – глупо пробормотала я. В конце концов у меня был день рождения. Я сняла трубку и стала набирать страшно длинный номер, который должен был связать меня прямо с его офисом на Уолл-стрит. На другом конце на звонок ответил автоответчик. Я немедленно повесила трубку. Нет смысла тратить деньги на разговор с механизмом.

– Ой, тебе нужно было оставить сообщение, – вздохнула Сима. – Это было бы напоминанием, что он должен позвонить. Я люблю, когда вместо человека отвечает автоответчик. Это означает, что ты сделала шаг, а теперь уже его очередь платить за звонок.

– Это правильно, – сказала я и набрала номер снова. Я затаила дыхание, когда соединение состоялось. Трубку сняли. Это был Брайан.

– Брайан Корен.

Я промолчала. Я все еще ждала сигнала автоответчика.

– Алло? Это Брайан Корен. Кто говорит?

– О! – я неожиданно сообразила, что трубку сняли. – О Брайан. Я не ожидала тебя застать. Думала поговорить с автоответчиком.

– Это Лиза? – радостно закричал он. – Лиза Джордан? Неужели это ты?

– Мм, да. Это я. Это Лиза. Ты звонил мне сегодня утром?

– О Лиза. Как здорово снова слышать твой голос, – сказал он. – Как давно это было. Я уже забыл твой британский английский.

– Ну. Тут все так говорят, – пошутила я. – Ты что-то хотел, Брайан?

– Конечно. Поздравить тебя с днем рождения, дорогая.

– Спасибо, что не забыл. Это все?

– И поговорить по душам, – сказал он, оправдываясь. – По-моему, ты нервничаешь, Лиза. Тебе нужно куда-то бежать? Я не хотел бы тебя задерживать разговорами. Я представляю себе, сколько у тебя работы в твоем агентстве.

Я чуть было не ляпнула, что просто боюсь, что у меня не хватит денег на оплату телефонного счета.

– А, да нет. Нет. Просто обычно ты мне шлешь письма по электронной почте, когда хочешь что-то сказать.

– Да. Но тебе не кажется, что это несколько обезличено?

Конечно, обезличено, зато не так дорого, подумала я про себя.

– И кроме того, я *лично* хотел поздравить тебя с днем рождения, – игриво продолжил Брайан. – Как ты поживаешь? Много работы?

– Да. Ужасно много. Ты же знаешь, как это бывает.

– Конечно, знаю. Много новых проектов?

– Да. Масса новых проектов в работе. А как ты, Брайан? – Я совершенно не собиралась продолжать разговор о новых проектах, поэтому быстро сменила тему.

– Ну, – медленно начал он, – первый раз за свою карьеру у меня кажется все наладилось в банке. И теперь я возвращаюсь домой до полуночи, – засмеялся он. – Можешь себе представить? А мои коллеги думают, что я работаю по сокращенному графику.

– Ты всегда слишком много работал.

– Да. Как и ты. Мой врач сказала мне то же самое. Она говорит, что я должен взять отпуск и немножко развеяться, иначе я скоро превращусь в старика.

– Не хотелось бы, – сказала я.

– Это точно. Вот я и решил.

– Что решил?

– Взять отпуск, птичка. Со следующей недели. Как доктор прописал.

– Отлично. И куда ты собрался? – наивно спросила я. – Куда-нибудь на юг? Туда, где тихо и тепло?

– Я тут подумал, – начал он. – Знаешь, как это бывает, Лиза… Ты все время так погружен в работу, что практически нет возможности встретиться с любимыми людьми, чтобы отправиться с ними поехать в любимые места. Я не хочу ехать ни в какие экзотические места, лучше остановиться где-нибудь на неделю, почитать книги, поэтому я подумал, что, может, мне будут рады в Лондоне.

Должно быть, я замолчала слишком надолго.

– Лиза, ты где? Лиза? – закричал он. – Ты слышишь меня?

– Я здесь, – пискнула я.

– Ага, отлично. Послушай, это только три дня или чуть больше. В любом случае мне нужно съездить по работе в Цюрих, поэтому я думал уехать из Штатов пораньше и заскочить к тебе en route[12] в Швейцарию.

– Ой! – снова запищала я.

– Я понимаю, что ты очень завязана с работой, а я тут как снег на голову, поэтому я, конечно, остановлюсь в отеле. Может, ты порекомендуешь какой-нибудь симпатичный отель недалеко от твоего дома, чтобы мы могли встречаться по вечерам.

– Что?

– Отель. Можешь посоветовать какой-нибудь симпатичный отель, где я мог бы остановиться? Мои командировочные предполагают некоторые расходы. Я могу списать деньги на фирму.

Не знаю, куда делся мой здравый смысл, но я сказала ему:

[12] По пути (*фр.*).

– Отель? Тебе не нужен отель, Брайан. Ты можешь остановиться у меня.

– Нет, Лиза. Не могу. Не надо беспокоиться обо мне, – заверил он меня. – Я остановлюсь в каком-нибудь хорошем отеле, и если мы сможем пару раз сходить вместе пообедать, я буду более чем счастлив.

– Нет, Брайан. Я настаиваю. Я просто не могу позволить тебе остановиться в отеле, если ты едешь в Англию, чтобы увидеть меня.

– Лиза, не надо мучать себя. Правда. Я даже не предупредил тебя. Я даже не предполагал, что ты все время будешь там. Я не хочу тебя беспокоить.

– Ты не будешь меня беспокоить, Брайан.

– Я люблю останавливаться в отелях, – сказал он.

– Я не прощу себе, если ты это сделаешь.

– Ну хорошо, – сказал он после короткой паузы.

Мне потребовалась еще одна короткая пауза, прежде чем слова просочились в мою дурацкую тупую голову. Ну хорошо?

Но он не должен был это сказать! Ради приличия я хотела дать ему возможность еще раз сказать про отель, а потом согласиться, что это отличная мысль, и отправить его в «Метрополитен».

– Что? – спросила я.

– Ну хорошо. Решено. Я остановлюсь у тебя, если ты настаиваешь, что не можешь без меня, – засмеялся он. – На следующей неделе? С пятницы до вторника? Пошли мне свой адрес по электронной почте, а я сам тебя найду, когда прилечу.

– Нет! – закричала я.

– Нет? – удивился он.

– Нет, я имею в виду, не надо меня искать. Я тебя встречу в аэропорту. Меня довольно трудно найти. Это там, где конюшни.

Услышав это, Сима очень странно посмотрела на меня.

– Хорошо, если ты так уверена, то я не буду прерывать твой рабочий график. Я лучше пошлю номер рейса по электронной почте, Лиз, – тихо сказал он. – Как давно мы не виделись. Знаешь, я так хочу увидеть тебя.

– Я тоже, – пробормотала я.

– Отлично проведем время, да?

– Отлично, – сказала я примерно с таким же энтузиазмом, с каким я выбрасывала мусор на работе. – Тогда до пятницы.

– Жду с нетерпением. Пока. – Он повесил трубку, а я осталась стоять, глядя на телефон и размышляя, что же я наделала.

– Я не ослышалась, ты только что пригласила кого-то остановиться здесь? – спросила Сима в страшном возбуждении. – Это тот американец, который звонил сегодня утром? Должна сказать, что мне понравился его голос. Он так же хорош и крут, как его голос?

– О да, – вздохнула я. – Все именнно так.

– Ура. Нам нужна здесь свежая кровь. Если ты, конечно, его уступишь. Но ты ведь уступишь, правда, Лиз? Я хочу сказать, что ты никогда даже не упоминала его. Вряд ли он твой старый хахаль?

– Я думаю, что на этом участке фронта я потерпела поражение, – печально сказала я.

– Так у меня есть шанс, да?

– Сима, ты помешалась на мужиках! – воскликнула я в отчаянии. – Да и в любом случае он не будет жить здесь.

– Но ты только что сказала… – начала Сима.

– Забудь о том, что я ему сказала. Посмотри на эту квартиру, – взорвалась я. – Вы вообще когда-нибудь слышали о том, что есть такая вещь, как пылесос? – Я схватила

подушку, с которой снегопадом посыпались крошки сыра и сухая луковая шелуха. По крайней мере, мне показалось, что пахнет сыром и луком. Хотя, возможно, это были ноги Толстого Джо, аромат которых, казалось, постоянно витал по квартире. – А сегодня в раковине я нашла кусок бараньей отбивной.

– Ты же знаешь, я не ем баранину, – возразила Сима.

– Да? А ты не могла убрать ее, прежде чем я это сделала? Мне кажется, ты торчала дома целый день.

– Я занималась! – запротестовала она.

– Как же, занималась! – усмехнулась я. – Запомни, я тоже когда-то была студенткой. Ты действительно считаешь, что то, что выросло у нас в холодильнике, может стать основой лекарства от рака? А вокруг ванны можно смело сажать картошку. Что касается туалета, то я даже не хочу начинать эту мерзкую тему. Я лучше пойду в одну из этих будок около супермаркета, чем воспользуюсь нашим туалетом. Тебе известно хотя бы, что у нас есть ершик?

– Уже нет. Его больше нет. Джо пытался прочистить им канализацию еще в октябре и сломал его.

– Да? А никому не пришла в голову мысль купить новый? – Я шагала по комнате, поднимая раскиданные предметы одежды (в основном интимного свойства) и обертки от продуктов. В паре грязных колготок находилась сложным образом запутавшаяся в них упаковка от копченых сосисок годичной давности.

– Я хотела это выбросить, – сказала покрасневшая от смущения Сима, выхватывая у меня из рук колготки с упаковкой.

Я обнаружила три носка без пары, а также протухшие и разношенные до такого состояния мужские кроссовки, что их носки загнулись и стали похожи на туфли Али-Бабы. Под диваном я нашла два компакт-диска, исчезнувшие, как я считала, навсегда после одного особенно безобразного дня рождения. Оба компакт-диска использовались как подставки. Один для кофе, другой для красного вина. Когда я отодвинула диван, чтобы посмотреть, не найду ли я там десятку, которую я потеряла, то обнаружила большое пятно от красного вина на кремовом, сером от пыли, ковре.

– Вы знали об этом? – заорала я на Симу. – И как нам теперь его вывести? Оно высохло. Мы никогда не получим назад залог за эту квартиру!

Сима, носясь за мной, вытирала пыль с полок одним из носков, сняла трусы с горшка для цветов и старательно вытряхнула пепельницу в корзину для бумаги, вспомнив только потом, что корзина эта была всегда пустой, потому что какой-то безалаберный курильщик пару недель назад прожег плохо затушенным окурком огромную дыру в плетеном днище.

Борясь с полулитровым стаканом, который приклеился к каминной полке, я обнаружила лежавшее на сломанном обогревателе белое полотенце с огромным кроваво-красным пятном.

– Это что такое? – спросила я, поднимая полотенце за угол.

– Это просто хна, – быстро объяснила Сима. – Я уверена, оно отстирается. Это ведь не твое полотенце? – осторожно добавила она, выхватывая неприятную улику у меня из рук.

– Нет, слава богу. Но Брайан, безусловно, не может здесь остановиться, – простонала я, опускаясь на диван и чувствуя, как мне в копчик вонзилась забытая на диване шариковая ручка. – Ни за что на свете.

– Да все будет нормально! – бодро воскликнула Сима. – Смотри, мы убрали пустые стаканы, и здесь стало намного лучше. – Она сделала широкий жест рукой, словно только что по мановению грязного носка преобразила квартиру в нечто из журнала «Дом и сад». – У нас целая неделя до его приезда. Если хочешь, можем прямо сейчас выйти и купить «Джиф». Надо устроить собрание, чтобы разделить обязанности, как только Толстый Джо решит, что

он может выйти из спальни, и к тому времени, когда появится твой дружок, это место будет не хуже отеля «Хилтон». Во всяком случае, этого отеля в Бангкоке.

– Нет, Сима! – заявила я. – Ты не понимаешь. Брайану нельзя здесь останавливаться, даже если мы будем убираться до Рождества. Он не может здесь остаться, потому что с какой стороны ни посмотришь на этот дом, он все равно останется грязной трехспальной дырой в Балхэме. А по мнению Брайана, я живу в шикарном пентхаусе с видом на Гайд-парк.

Это была правда.

Я уже говорила, что в письмах к своему старому приятелю стала лаконичной, дойдя до грани обмана. Проблема заключалась в том, что с момента изобретения электронной почты у меня уже больше не было повода отправлять по одной открытке в год с неясной фразой о том, что «все в порядке».

Со Всемирной паутиной меня познакомил Толстый Джо еще в те дни, когда я делала попытки получше узнать своих соседей и иногда отваживалась зайти в его берлогу, чтобы принести ему чашку чая. Он был только рад оторваться от записи шумов, которые скачивал с сайта лондонского метрополитена. Он показал мне, как находить людей в Сети. И я быстро нашла Брайана.

С тех пор мы с Брайаном стали друзьями по электронной почте, почти каждый день стремительно обмениваясь посланиями (когда я могла попасть в спальню к Джо; к счастью, он был постоянен в своих привычках, и у меня обычно было пятнадцать минут после его первой чашки кофе). И каждый день, заполняя киберпространство, я от мелких недомолвок быстро перешла к старомодной, большой черной лжи, которая, как предупреждала меня моя мать, помогает нажить врагов.

Ну а что я могла поделать, когда Брайан сообщил мне по электронной почте, что только что обедал в новом модном ресторане рядом с Мадонной? Прислать ему список бутербродов, которые лучше не есть в кафе «Жирный Фред» в Баттерси? Нет, мне пришлось написать, что я занималась вместе с Мадонной в одном женском фитнес-центре в Ковент-Гарден. С тех пор все примерно и пошло в этом духе.

Когда Брайан прислал мне сообщение, что он собирается в Хэмптонс с младшим Кеннеди, я ответила, что улетаю на юг Франции погостить у влюбившегося в меня арабского принца, с которым я встретилась на светской вечеринке в ночном клубе «Аннабель». Когда Брайан радовал меня рассказами о тратах в магазине «Ральф Лоран», я тут же отвечала ему, что «Дольче и Габбана» готовят кое-что к моему двадцатишестилетию, которое будет праздноваться в зале отеля «Гросвенор Хаус».

Но самую большую ошибку я совершила, когда он угощал меня подробным описанием своей новой шикарной квартиры…

Брайану было известно, что я съехала из своего сарая в Балхэме, как только мы сменили перо и бумагу на электронную почту. В эти дни у меня появилась своя собственная великолепная квартира с видом на Гайд-парк, купленная после удачной многомиллионной сделки по недвижимости, которую провела лично я, будучи старшим партнером компании «Корбетт и дочь» (та, конечно же, была одной из самых крупных коммерческих компаний по недвижимости в Англии, а не однокомнатным офисом с непонятным штатом сотрудников из трех человек и невоздержанным спаниелем породы кавалер-кинг-чарлз).

Мои электронные письма пестрели названиями закрытых клубов и именами известных людей, с которыми я там бывала. В моей тайной кибержизни я всегда прикупала себе что-нибудь шикарное от Тиффани или Картье в награду за тяжелый труд и наряжалась в эксклюзивное платье от Донны Каран, когда среди моих клиентов были звезды кино, которые доверяли только мне.

Среди моих друзей были художники, писатели, модели и принцы, а не студентка без гроша в кармане с работой на неполный день в видеосалоне «Блокбастер» (Сима) и не будущий компьютерный хакер, который никогда не выходит из спальни (Толстый Джо). Брайан знал, что по вечерам я развлекаю мегазвезд сцены и экрана рецептами, которые придумала под руководством известных поваров, а не ем на самом деле холодные спагетти прямо из консервной банки в компании черно-белого телевизора.

Все казалось таким безобидным. На самом деле это было что-то вроде развлечения. Иногда я брала свои истории целиком из колонки Арабеллы Гилберт в газете «Дейли», ничего в них не меняя. Мне и на секунду не приходило в голову, что наступит день, когда придется доказывать достоверность всей той чепухи, которую я три года отправляла ему по Сети. Брайан был явным трудоголиком. Он никогда не брал отгулов и, возможно, даже не ходил в туалет в рабочее время. Не было никакой опасности, что ему вдруг взбредет в голову приехать ко мне в Лондон. Невероятно.

– Нет, нет, нет! – рыдала я в грязный рукав своего потертого махрового халата.

– Что ты собираешься делать? – спросила Сима, когда я завершила свой скорбный рассказ.

– Я действительно понятия не имею, – призналась я в отчаянии.

– О боже! – сказала она.

Мы сидели рядом на диване и смотрели в камин, словно могли найти ответ на мою дилемму в оранжевом мигании раскаленных электроспиралей, которые всегда пахли так, словно вот-вот разгорятся настоящим огнем.

– А с чего ты вдруг нагородила ему такое количество вранья? – неожиданно спросила Сима.

– А как ты думаешь почему? Он живет там в Нью-Йорке великосветской жизнью, в то время как мое социальное положение в Лондоне находится на уровне одноногого голубя с Трафальгарской площади. Нет. Еще хуже. По крайней мере, голуби сейчас находятся под защитой. Я нагородила Брайану всю эту кучу вранья, потому что не хотела сообщать, как все отвратительно складывается у меня после колледжа.

Сима обняла меня. Она иногда кажется ужасно милой, когда не пользуется моим лосьоном для тела «Эсте Лаудер» или не стирает свои спортивные носки моим порошком.

– А почему это ты считаешь себя неудачницей? – серьезно спросила она.

– А как ты думаешь почему? – Я взмахнула рукой, указывая на запущенную убогую комнату почти так же, как это сделала она несколько минут назад, пытаясь убедить меня, какой у нас изумительный дом под слоем запекшейся грязи.

– Так, – завела она голосом начинающего адвоката, изо всех сил старающегося говорить убедительно и уверенно. – Я живу в том же доме, что и ты, в твоем настоящем доме, но я не считаю себя из-за этого неудачницей. Конечно, оказалось, что движение к золотой кредитной карте занимает больше времени, чем я предполагала, да, но я не неудачница. Ни в коем случае. Тебе всего двадцать семь лет, Лиза. Будь ты проще. У тебя ведь неплохая работа, так?

– Ага! Я секретарша в агентстве по недвижимости. Я даже не на постоянном договоре. Черт возьми, я зарабатываю себе на жизнь печатанием этикеток. Ты знаешь, что у меня диплом по английской литературе?

– Ну и что? Я собираюсь получать степень магистра экономики, а работаю в магазине по продаже видеокассет, – ласково напомнила она мне.

– Я ни с кем не общаюсь, – снова попыталась я.

– Зато у тебя есть верные друзья, – ответила Сима, ничуть не обидевшись. – Хочешь, мы будем почаще куда-нибудь ходить? Можем пойти сегодня в клуб. Потанцевать. Выпить коктейль.

– У меня нет денег на клубы.

– Послушай, Лиз. – Сима уже теряла терпение, потому что, несмотря на отсутствие денег, я всегда зарабатывала больше, чем она. – Перестань грызть себя. По-моему, ты не так уж плохо зарабатываешь. Да и почему у тебя уже должен быть пентхаус?

– А у Брайана есть.

– Ты его видела?

– Нет.

– Вот именно. Что ты знаешь о нем? Может, он живет в Нью-Джерси в каком-нибудь трейлере на безнравственным путем полученные доходы своих младших сестер. – Я слабо улыбнулась. Но только очень слабо.

– Его сестры старше его, – безжалостно поправила я.

– Хорошо. *Старших* сестер. Все, я просто хочу сказать тебе, что не стоит так беспокоиться о том, чтобы произвести на него впечатление. Все в письмах что-то преувеличивают время от времени. Я потратила две недели на человека, который утверждал, что он брат Билла Гейтса, а оказался обычным наборщиком из газеты «Далтон уикли». Возможно, что Толстый Джо сейчас наверху сообщает какой-нибудь школьнице, загружающей данные для своего домашнего задания, что он высоченный Адонис с торсом микеланджеловского Давида.

– Я знаю. Знаю… Но Брайану не нужно врать. Поверь, если Брайан говорит, что он сделал что-то удивительное, то так оно и есть.

– Он действительно такой образец добродетели, что никогда ничего не приврал?

– О, Сима, – вздохнула я. – Он действительно такой. Он, наверно, самый честный до мелочей человек, каких я только встречала. Представь себе, что, когда мы играли в «Правду или смерть» в баре колледжа, он даже признался, что нюхал свои газы.

– Это откровенно, – пришлось согласиться Симе. – Может быть, тогда тебе надо все рассказать. Я уверена, что для него все это будет невероятно смешно, и даже, возможно, он испытает облегчение, что ему не придется платить каждую ночь за шампанское в «Мирабель», пока он здесь.

– Нет, – торжественно покачала я головой. – Кому-нибудь другому я тут же бы призналась. Правда. Но не Брайану. Просто не могу. Ты не знаешь его, Сима. Это будет для него смертельная рана, если он узнает, что я столько наврала ему. Он американец, не забывай. У них там совершенно другой моральный кодекс. Некоторые из них все еще живут по десяти заповедям. Я просто не могу представить это все в виде большой хохмы. Он подумает, что я сошла с ума.

– Ну тогда я ничего не могут придумать, – сказала Сима, подвинувшись и вытаскивая из-под подушки, на которой она сидела, сливочный кекс. – Боюсь, мне трудно придумать, куда мог испариться твой пентхаус. Ты действительно полная дура, Лиза.

Я и так это знала. Мы опять замолчали, глядя на электрический огонь. Я размышляла о единственном выходе из создавшейся ситуации – сделать себе харакири кухонным ножом (если бы только все ножи не были такими тупыми). О чем думала Сима, я не знаю. Но потом выдала перл:

– Я знаю. Скажи, что в пентхаусе случился страшный пожар и тебе временно пришлось переехать ко мне – твоей секретарше, если хочешь, – пока там все уберут и отремонтируют. По-моему, отличная идея. Как ты считаешь?

Да. Идея казалась отличной. Примерно секунд десять, пока в комнату не ввалился Толстый Джо, похожий на гигантскую личинку, одетый, как всегда, в армейский комбинезон с накинутым поверх пуховым одеялом (бледно-желтые пятна которого никогда не были скрыты покрывалом). Он втиснулся на диван между нами, не отрывая взгляда от колонки писем читателей в конце последнего номера «Выбирай хай-фай», но заметив засохший кекс,

который Сима только что вытащила из-под подушки, собираясь выбросить, тут же запихал его в рот.

– Что-то интересное? – вежливо спросила Сима, указывая на журнал.

– Тут один кретин написал, что не может понять разницу между «Аудиолэб» и аналогичными продуктами бренда F3, – возмутился Джо, рассыпая крошки по всему ковру. – Ну и козел!

– Да, действительно! – ответила Сима.

Мы очень редко могли понять, что хочет сказать Толстый Джо.

– Никто не возражает, если я включу телевизор? – спросил Джо, одновременно оглушительно пукая. Сима и я покачали головами, но в это же мгновение я поняла, что план с пентхаусом никуда не годится. Брайан просто не мог ступить в эту помойку, пока в ней обитало это человекоподобное животное. У него это вызовет отвращение. У меня оно было постоянно.

Мы с Симой соскочили с углов дивана и отправились на кухню продолжить посиделки.

– Я не могу привести Брайана сюда, пока здесь есть Толстый Джо, – сказала я.

– Я понимаю. Может, попросим его временно съехать?

– Сима, ты знаешь не хуже меня, что за последнее время для него сюда-то спуститься из комнаты уже большое событие. Отправить его насильно в отпуск можно только под дулом пистолета.

Сима нахмурилась.

– Ну, это нечестно. Я так хотела познакомиться с твоим американским приятелем. У него голос человека красивого… богатого.

Я положила три пакетика в три облупленные кружки сомнительной чистоты.

– Если кто-то и имеет на него виды, так это я, – напомнила я. – А тебе жениха найдут родители.

– Но у тебя уже есть приятель, – пожаловалась она. – Ты не можешь встречаться с двумя.

Именно в этот момент раздался голос моего друга из гостиной:

– Лиза, сделай еще четвертую чашку.

Это пришел Ричард.

Глава восьмая

Ричард. Мой парень. Я совершенно забыла, что он собирался прийти сегодня вечером, чтобы принести мне подарок на день рождения. Услышав его голос из гостиной, я почувствовала, как мой желудок скрутило, словно меня поймали на предательском желании произвести впечатление на Брайана. На самом деле я уже предала Ричарда. Важно не то, что я сказала Брайану, что у меня есть отличная квартира, а то, что я ему не сказала про своего замечательного парня.

Неделю назад я с радостью называла Ричарда «мой новый парень». Мы встречались почти семь месяцев. Во всяком случае, прошло семь месяцев, как наши языки сплелись на заднем сиденье такси, и с тех пор он приходил ко мне почти каждый вечер, поэтому мне осталось только признать, что мы встречаемся как полагается. Когда тебе за двадцать, ты не спрашиваешь, как в девятнадцать: «Ну что, значит, мы теперь встречаемся?», как бы тебя ни подмывало это сделать.

Я встретила Ричарда в печально известном туристском баре в центральном Лондоне – месте, где тоскующие по дому и окосевшие от алкоголя австралийцы и новозеландцы собираются вместе и обычно пытаются завязать разговор, цитируя рекламу пива. Я бы и не сунулась туда, но был день рождения Симы, твердо решившей начать свой двадцать второй год жизни на земле со случайного секса, особенно после того, как родители объявили ей в постскриптуме поздравительной открытки, что если Сима не найдет себе подходящего мужа к двадцати трем годам, то они найдут его сами.

Во всяком случае, мы с шести часов вечера пили текилу, ничего не ели, кроме окаменевших фисташек из стоявшей между нами вазочки, и шли прямым ходом к полной отключке, когда наткнулись на Ричарда и его компанию.

Я говорю «наткнулись» в буквальном смысле слова. Мы с Симой стояли на площадке короткого лестничного пролета, сплетя руки, чтобы сохранить равновесие. Сима слишком далеко наклонилась вперед, чтобы поправить ремешок сандалий на серебряной платформе. Ее рука продолжала держать меня за талию, и, когда она кувырнулась вперед, я полетела за ней. Жопа-ноги, как говорил мой отец (правда, не при матери). Это к слову о нашем появлении. Слава богу, что от верхней площадки до нижней было всего четыре ступени, которые я пролетела, унизительно приземлившись с юбкой, задравшейся на талию, и пинтой Ричардова пива на голове.

Я тут же предложила ему купить новую кружку, но он сказал, что он лучше поставит пиво мне, потому что я была первой женщиной, бросившейся к его ногам. После этого было бы невежливо не поцеловать его. Кроме того, он и его сосед по квартире Пол (который в тот момент говорил те же самые слова Симе, как я потом выяснила) тоже жили в Балхэме, и казалось логичным скинуться на такси после закрытия бара. Не говоря уже об экономии, потому что к тому моменту деньги у нас с Симой кончились.

Ричард набросился на меня в такси, что было довольно неловко, потому что я сидела на маленьком сиденье спиной к водителю, и Ричарду пришлось опуститься на колени в проход. К счастью, Пол и Сима уже устроили к тому времени борьбу языков и не замечали нелепого положения Ричарда. Таксист неодобрительно хмыкнул и увеличил громкость радио, которое он включил, чтобы заглушить звуки поцелуев. Таксисты, конечно, сплошная головная боль. Но их ночной смене в субботу не позавидуешь. Одна блевота да обжиманье. Та еще работенка!

Той ночью Пол и Ричард так и не попали к себе в квартиру. Утром мы с Симой столкнулись друг с другом по дороге в ванную, обе в надежде побыстрей почистить зубы, привести себя в порядок, прежде чем проснутся наши кавалеры.

– Ну, что скажешь? – прошептала Сима, пытаясь расчесать спутанные в любовной борьбе шикарные черные волосы. – Завтрак в кровать, или идешь к мозольному оператору?

Неотложный утренний визит к мозольному оператору был поводом выпроводить гостя после совершенной ночью ошибки. Во-первых, это означало, что нежеланный посетитель должен был уйти немедленно, а во-вторых, мысль о том, что у молодой девушки удаляют мозоль, в большинстве случаев отлично помогала избавиться от звонков нежеланных воздыхателей.

Я завтракала в кровати. Через два дня Ричард от имени Пола попросил узнать у Симы, как ее мозоли. Она не отвечала на звонки Пола. А я была готова к любви. Я была готова уцепиться за кого-нибудь, с кем я могла бы проводить воскресенья, бродить по лондонским паркам и галереям, смотреть в глаза, демонстрируя всем несчастным одиноким простофилям, как убого их одинокое, похожее на готовый обед в магазине «Маркс и Спенсер», существование, точно так же, как самодовольные парочки демонстрировали мне время от времени за последние четыре года…

А Ричард подходил под описание человека, который поможет мне достать всех этих зануд, которые говорили мне, как они завидуют свободной одинокой жизни, в то время как им приходится все время лежать в тесноте, скорчившись в объятиях какого-нибудь кавалера. Он был вполне хорош собой, – во всяком случае, обладал всем набором черт, которые можно назвать человеческим лицом, – он носил брюки той длины, которая закрывала его худые ноги. Он иногда носил рубашку, у которой не было номера на спине, а кроме того, у него была настоящая работа (для меня это было важно, потому что, когда я приехала в Лондон с мечтами стать еще одной Марианной Фэйтфул[13], я прошла определенный период, встречаясь исключительно с музыкантами и художниками. Я обнаружила, что творческие личности очень хороши до тех пор, пока ты не уходишь на работу в понедельник утром, оставляя его в постели, и возвращаешься вечером, чтобы обнаружить его точно там же, где оставила. Творческая личность, блин! Просто жлобство). Нет, мне нужен был мужчина, который уходил бы из дому до меня. И это был Ричард, ездивший на работу в Сити.

Да, он был бухгалтером, а не супербогатым торговцем ценными бумагами, который пьет «Боллинджер», как я «Перье» (минеральную воду), но в жизни каждой девушки наступает момент, когда она понимает, что есть смысл в удобных тапочках, и перестает мечтать о поп-звезде.

– А разве мы никуда не идем сегодня вечером? – спросил Ричард, увидев меня стоящей в дверях кухни в старой отцовской пижаме и халате, протершемся на локтях до состояния паутины.

Я опустила глаза. Взволнованная грядущим приездом Брайана, я совершенно забыла, что мы договорились пойти выпить в паб, и уже приготовилась лечь спать после ванны.

– Ты не хочешь отпраздновать свой день рождения?

– А что тут праздновать? – радостно вмешалась Сима. – Лизе уже почти тридцать.

– Нет, – запротестовала я. – Я еще посередине.

– Посередине? – фыркнула Сима. – Двадцать семь – это никакая не середина. Середина – это от двадцати четырех до двадцати шести. Если ты старше, то официально переходишь в категорию под тридцать, – она даже высунула язык, чтобы подчеркнуть свое оскорбление.

– И мы никуда не идем по причине груза среднего возраста? Ну, ладно, – сказал Ричард, усаживаясь в одно-единственное кресло, и нам с Симой опять пришлось втиснуться по обе стороны от Толстого Джо. – У меня все равно нет денег. Может, у вас в доме случайно есть пиво?

---

[13] *Марианна Фэйтфул* – выдающаяся, скандально известная фигура британской рок-сцены, подружка Мика Джаггера.

– Пойду посмотрю, – сказала я, втайне радуясь поводу не сидеть рядом с этим похожим на мягкую мебель пердуном, который назывался моим соседом по квартире.

– Наверно, только эта французская дрянь, которую мы купили в дьюти-фри, когда ездили в Кале.

– Отлично, – сказал Ричард. – А это уж, наверно, будет совсем нагло с моей стороны, если я попрошу положить чего-нибудь на тост? Сыра или бобов. Все равно. Я собирался купить еды по пути с работы, но у меня на карте уже закончились деньги.

– Мне казалось, что у тебя в пятницу была зарплата? – удивилась я.

– Да. Но я уже так превысил кредит в банке, что к тому времени, когда взял десятку на футбол в воскресенье утром, я опять подошел к границе кредита. Придется в этом месяце затянуть ремень, но в следующем все будет в порядке. Обещаю.

Услышав это, Сима с сомнением взглянула на меня. Все гуманитарные организации третьего мира боролись за то, чтобы положить предел страшному превышению кредита в Вестминстерском банке, но пока что она еще не встретила никого, кто мог бы с этим справиться.

– Надеюсь, деньги у тебя закончились после того, как ты купил Лизе подарок на день рождения? – сказала она, многозначительно изогнув надменную бровь.

Ричард неловко заерзал.

– На самом деле, Лиз, я хотел с тобой об этом поговорить. У меня есть идея, что тебе купить, но я решил, что, может быть, лучше ты сама выберешь себе подарок, а я его оплачу. Таким образом ты уж точно купишь то, что хочешь. Как ты думаешь?

Сима неодобрительно закатила глаза.

– Как романтично! – усмехнулась она. – Ты лучше приготовься к серьезным расходам, Ричард.

– Я пощажу тебя, – заверила я.

В этом была разница между мной и Симой. Если кто-нибудь из ее знакомых необдуманно соглашался расплатиться за ее покупки своей карточкой, то через какое-то время могло обнаружиться, что ему пора закладывать свою квартиру еще до того, как она успевала опустошить полки в магазинах. Если кто-то предлагал мне сделать покупки, то я обычно возвращалась с курткой с одним рукавом, купленной на распродаже, бормоча, что это именно то, что нужно, а приделать рукав совсем нетрудно. Я говорила, что мой подход делает меня более привлекательной личностью, но Сима сказала, что я должна разобраться в себе.

– Возможно, такой подход говорит о том, что ты не жадная, – соглашалась она. – Но с другой стороны, он оскорбителен. Мужчинам приятно думать, что они могут обеспечить женщину. Отказывая им, ты практически совершаешь акт кастрации.

Замечательная мысль.

Сима была из числа тех девушек, которым мало быть просто чьей-то приятельницей. Он хотела иметь право надевать на себя розовый тюль и перья, подрагивать ресницами, и, когда она это делала, подарки сыпались со всех сторон. Я же вела себя абсолютно традиционно: готовила тосты с бобами, гладила и при этом отказывалась принять помощь, когда мужчины пытались поигрывать для меня своими финансовыми мышцами. Она права: конечно, я дура.

– Лиза, сегодня распродажа в «Топшопе», – попыталась переманить меня Сима, уже второй раз за час исследуя в зеркале свое отражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.